

ВКУС пенала

Станислав
рем

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Станислав Рем

Вкус пепла

«ВЕЧЕ»

2015

Рем С.

Вкус пепла / С. Рем — «ВЕЧЕ», 2015 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8416-6

Петроград, лето 1918 года. Убит председатель Петроградской ЧК. Главные герои романа, питерские чекисты, неожиданно приходят к выводу: убийца действовал не один, и, судя по всему, они имеют дело с заговором. Кто же организатор заговора? Начинается расследование, но тут на пути следователей становится руководство Петрограда...

ISBN 978-5-4444-8416-6

© Рем С., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Станислав Рем

Вкус пепла

© Рем С., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

...И мчится на смерть кавалерия
В ковыльных российских степях.
И пепел сожженной Империи
Хрустит на горящих губах...

Н. Дьякова. «Харбинская тетрадь»

«Постановление Совета Народных Комиссаров

О красном терроре

(Собр. Узак. № 65, ст. 710)

Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой Комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей плановости необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры.

Подписали: Народный Комиссар Юстиции

Д. Курский,

Народный Комиссар по Внутренним Дела

Г. Петровский,

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров

Вл. Бонч-Бруевич

5 сентября 1918 года.

Опубликовано в № 195 «Известий» Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 10 сентября 1918 года».

Глава первая (за шесть дней до постановления «О красном терроре»)

30 августа

30 августа 1918 года, ближе к одиннадцати пополудни, автомобиль председателя Петроградской ЧК притормозил на Дворцовой площади возле дома № 6. В кабинетах бывшего Министерства иностранных дел разместился Комиссариат внутренних дел Северной коммуны. Моисей Соломонович Урицкий резво спрыгнул с подножки авто, с раздражением захлопнув за собой дверцу, не глядя по сторонам, устремился к парадному входу. Распахнув створку двери резким движением руки, игнорируя томящихся в вестибюле посетителей, ожидающих встречи с ним, товарищ председатель короткими упругими шажками устремил свое маленькое приземистое тело к лифтовой кабине.

Какие могли быть посетители после разговора (да какой там разговор... словесная драка, моральное мордобитие, сплошное унижение), который только что состоялся в Смольном.

– Подонки! – зло бормотал в нос первый чекист Северной столицы, покрывая утиным шагом ковровое покрытие до лифта. – Скоты! Да как они смеют так со мной? Мелкие, пакостные людишки... Негодяи! Да я с самим Плехановым рядом стоял! Впрочем, что для них Плеханов? Раритет. Они же теперь – боги! Ничего, ничего... Думают, скрутили? Кукиш! Старик во всем разберется. Еще посидят в «Крестах»...

Старик швейцар, находясь в постоянном ожидании прибывающего начальства, заведя грозного чекиста, тут же кинулся к створкам дверцы лифтового устройства.

Моисей Соломонович притормозил, стремительным движением руки стянул с носа пенсне, быстро протер его вынутой из кармана фланелевой салфеткой, вновь нацепил оптическое приспособление на нос и с новой энергией устремился вперед. Впрочем, до лифта Моисей Соломонович так и не дошел. Именно заминка с пенсне стоила ему жизни.

Едва товарищ Урицкий вошел в помещение комиссариата, как из числа просителей милости от новой власти, что толпились в фойе, в основном возле окон, отделилась довольно ладная, стройная фигура молодого человека в кожаной тужурке и студенческой фуражке на голове, которая устремилась вслед за прибывшим начальством. Никто из присутствующих в холле в тот момент на данный факт не обратил никакого внимания. «Видимо, дело дошло до расстрела родных, – рассудили по-своему поведение юноши просители, ожидавшие встречи с главным чекистом, – вот и кинулся за начальством. Глядишь, авось повезет...»

А юноша, широкими шагами догоняя цель, на ходу расстегнул тужурку, нервно нащупал ребристую рукоять револьвера, торчащего из-за пояса.

Если бы Моисей Соломонович не замешкался возле лифта всего на несколько секунд, он бы в этот момент успел войти в подъемную машину и закрыть за собой дверь. Чем бы и спас себя.

Однако товарищ Урицкий решил протереть пенсне.

Уставшие от долгого ожидания просители вскоре слышали громкий, отраженный каменными стенами выстрел...

* * *

«Вот уже пятую неделю они не вызывают меня на допрос. Любопытно, почему? В чем причина? Неужели их больше не интересуют деньги Губельмана? Бред, такого быть не может.

Деньги нужны всегда и всем. Любая власть имеет свойство видоизменяться. Золото же, в отличие от власти, свойства не меняет. Если, конечно, они не считают себя Робинзонами на необитаемом острове. Нет, в том, что обо мне забыли, кроется нечто иное. А что, если большевики проигрывают? Гвардия наступает и побеждает? Крайне сомнительно. Наступать некому. Армия полностью деморализована, развалена под корень. А то, что осталось, – пшик. С таким воинством озверелый Петроград не взять. Любопытно, кто сейчас ведет наступление? Да и ведет ли? Впрочем, какая разница? А большевики – молодцы: своими декретами взяли народец в крепкий оборот. Интересно: станут ли они сами выполнять свои же законы? Или возьмут пример с Керенского?»

Олег Владимирович¹ поднял с деревянного топчана, привинченного к полу тюремной камеры, шинель, накинул ее на плечи. Несмотря на то что на улице буйствовало лето, в одиночке полковника стоял мерзкий, пронизывающий все тело холод. Даже жаркое солнце не могло прогреть толстые стены тюремного каземата. Скорее наоборот. Из-за жары на улице на них появлялся конденсат, пропитывающий влагой все, что находилось в помещении. По этой причине постояльцу данного обиталища приходилось тратить впустую массу энергии: согревать не только самого себя, но и своим телом высушивать мокрую одежду и постель. Вот и в данном случае шинель, накинута на плечи, давила тяжестью влаги, и не столько грела, сколько создавала иллюзорность тепла. Более-менее согреться у арестанта была только одна возможность, да и то раз в сутки: принять горячую пищу во время обеда. Но то внутреннее тепло держалось недолго, всего несколько минут. А потом телом снова овладевал озноб.

В легких с недавних пор начало происходить нечто болезненное. Кислород с трудом проникал в грудную клетку. Каждый вдох отдавался болью. Появился кашель с отхаркиванием слизи. Иногда, в сумраке дымчатой лампочки, подвешенной под потолком и закрытой металлической решеткой, в плевке можно было разглядеть кровяные нити.

А еще болели все кости, особенно кости перебитых некогда рук. Они ныли хуже зубной боли, которая тоже иногда напоминала о себе.

Впрочем, Олег Владимирович на подобные «мелочи» не обращал внимания. Он находился в постоянном ожидании – ожидании смерти. Он ждал ее с нетерпением. С надеждой, что с ее приходом все закончится. Закончатся холод, бессонные ночи. Гроыхание гулкой металлической лестницы под каблуками конвоиров и подследственных. Каждодневная баланда с небольшим куском тяжелого жженого хлеба. И самое главное, закончатся муки, пожирающие изнутри. Муки, вызванные потерей Полины и Сашеньки.

Если бы сейчас Белого спросили: что он ел днем, какой сегодня день, как он себя чувствует, то Олег Владимирович с ходу не смог бы дать толковый ответ.

Чувства? Страдание? Боль? Переживания? Все это более не имело никакого значения. В каменной клетке доживало последние дни физиологическое существо, ранее носившее имя Олег Владимирович. Не жизнь, а бессмысленность, никчемность. Оставили бы шнурки – повесился.

Полковник снова посмотрел тусклым взглядом в тюремное окошко. Скоро вечер.

Забиться в мучительных сновидениях. Прожевать и проглотить некую субстанцию, именуемую «пищей». Справить нужду, что в последнее время стало проблемой. Свалиться «калачиком» на топчан (хоть немного теплее) и, не думая ни о чем, постараться забиться тяжелым сном.

¹ Белый Олег Владимирович – заключенный камеры № 24 специзолятора Петроградской ЧК на улице Гороховой, 2/6. Работник Генштаба Российской империи (контрразведка), полковник. В первый раз арестован в марте 1917 года по распоряжению Временного правительства за работу в так называемой «Комиссии Батюшина» – оперативно-следственной комиссии, созданной по распоряжению Николая II и связанной с расследованием крупных финансовых хищений, в том числе и в военном ведомстве (дела Рубинштейна, Абрама Доброго, Израиля Бабушкина и других). Выпущен на свободу в ноябре 1917 года распоряжением Петросовета. Вторично арестован Петроградской ЧК 11 мая 1918 года.

Время для мыслей, воспоминаний, анализа прошло, испарилось. В душе поселилась пустота. Это в первый арест, когда их вместе с Батюшиным определили в соседние камеры, имели место и анализ произошедшего, и «тюремный телеграф», и попытки узнать, что происходит на воле. Теперь ничего этого не было. Да и не хотелось. Стучали в стену – не отзывался. Дважды в камеру подсаживали арестантов – не общался. Ни на какие темы. Один раз даже надзиратель, грубо нарушая тюремный режим, попытался его разговорить. Без толку. Белый молчал.

Впрочем, истины ради следует признать: один раз он разговорился. И не с кем-нибудь, а со своим следователем. Олег Владимирович усмехнулся: да, тогда беседа вышла прелюбопытная. Получилось, не чекист его допрашивал, а он провел ему допрос. А тот того даже не заметил. Белый вторично горько усмехнулся: «Господи, куда катится страна? Безграмотные матросы выполняют функции полицейских, а профессионалы-полицейские сидят в тюрьмах. Бред... Впрочем, отчего бред? Как раз сие и есть закономерный результат происшедшего». Бред проявился полтора года назад. Когда ни с того ни с сего, неожиданно для всех, в марте семнадцатого, сразу после прихода к власти, Временное правительство арестовало практически весь цвет российской разведки и контрразведки. Когда политические проститутки, скинувшие царя, испугались, что на свет божий всплывут довольно любопытные материалы, связанные с коррупцией в военной сфере, в которой практически все они были замешаны. Правильно говорят: кому война, кому мать родна...

Олег Владимирович с силой сжал веки глаз.

«Хотя нет. Зачем себе врать? Бред начался значительно раньше, со смертью Его Императорского Величества Александра Второго, который, словно кость в горле, стоял у всех своих родственников из-за желания сделать плебейку княгиню Юрьевскую императрицей. Недаром, ох недаром тогда по Петербургу так долго бродили слухи о причастности царской семьи к его кончине».

Белый с силой стиснул зубы.

«А может, еще раньше? С 6 декабря 1876 года, когда террористка Вера Засулич выстрелила в Трепова? Не только градоначальника, но и отца семейства? То есть в человека! И ее оправдали, отпустили. Покушение на самое святое, на жизнь, оказалось не преступленным деянием. Может, действительно, отсюда начало всех бед? И его личных, в том числе?»

Олег Владимирович со стоном повернулся на бок.

Вспоминалось все как-то само собой. Кусками. Отрывками.

Отец. Москва. Академия. Лондон. Петербург. Одесса. Стамбул. Париж. Снова Лондон. Полковник Павлов. Благовещенск. Полина. Крестины Сашеньки. Порт-Артур. Адмирал Макаров. Сибирь. Иркутск. Водка. Вызов Батюшина в Петроград. Арест. Целый калейдоскоп...

Первым из «Комиссии Батюшина» Временное правительство уpekло в «Кресты» полковника Якубова, руководителя контрразведки Петроградского военного округа. За ним следом пошел подполковник Нордман, начальник особого отделения при штабе командующего флотом Балтийского моря. Чуть позже вместе с ним, Белым, и Батюшиным арестовали полковника Ерандакова из Главного управления Генштаба. Ну а дальше последовала волна: подполковник Юдичев, полковник Фок, помощник прокурора Петроградского военно-окружного суда полковник Резанов... Всех загребли. Всех, кого смогли достать. По липовым, надуманным обвинениям.

«Дурачки, – произвольно проговорил вслух узник камеры номер 24, – думали, после первого допроса сломаемся. Ничего-то у вас, господа, не получилось».

«Хотя нет, – Олег Владимирович с силой прикусил губу, – получилось, вышло-таки у них. Убили мою семью не большевики. Те пришли после. На могилы. Убили они, свои! – Шепот сам собой срывался с потрескавшихся губ арестанта. – Год назад, когда я еще топтал эти тюремные плиты. Ироды. Сволочи... Своими бы руками, да за глотку, да так, чтобы хрустнуло...»

Олег Владимирович резко развернулся к стене, заплакал. Наконец-то слезы пробились сквозь зачерствелость век...

* * *

Демьян Федорович², отреагировав на звук открываемой двери, оторвал взгляд от листов с показаниями чекистов, посмотрел на вошедшего. Точнее, вошедшую.

«Вот б... – чуть не сорвался с уст бывшего матроса, а ныне чекиста Доронина сочный матюк, – принесла нелегкая... Теперь начнется...»

Переживать и материться Доронину было с чего. Вошедшая, Яковлева Варвара Николаевна³, обладала очень эффектной внешностью: красивая, стройная, с тонкой талией и высокой, упругой грудью, с первого взгляда поражающая сердце не одного мужчины. Казалось, что она могла принести мужчине полное мужское и семейное счастье. Однако как раз с семейной-то жизнью у товарища Яковлевой и не сложилось. И причиной стала непередаваемая страсть Варвары Николаевны до революционных дел. Глядя на ее миловидное скуластое личико, ее ладную фигурку, любой представитель сильного пола мог сопоставить эту женщину только с семейным очагом и веселым, многодетным семейством. На деле Варвара Николаевна была первым помощником начальника грозной Петроградской ЧК и, что самое любопытное, личным доверенным лицом в Петрограде самого Железного Феликса, то есть Феликса Эдмундовича Дзержинского, который и отправил ее в Питер из Москвы три недели назад в связи с расследованием «заговора послов». За прошедшие двадцать суток, что товарищ Яковлева провела в ПетроЧК, она настолько сумела «войти в суть проблем», что Доронин перестал видеть в ней не то что женщину, но человека в целом. И характеризовал ее в душе только одним словом: б...ь.

Как-то Доронину довелось услышать одного мужика, что писал стихи. Тот читал собравшимся в кубрике «братишкам» свою поэму. Всю ее Доронин не запомнил, а вот название запало в голову, потому как оно полностью соответствовало Варваре Николаевне. «Облако в штанах». Точнее и не скажешь. Вроде и баба, а ничего бабьего в ней и нет. Особенно название, «облако», вспомнилось матросу в этот черный траурный день после утреннего ЧП: убийства товарища Урицкого. Яковлева с ходу, без согласования с кем бы то ни было решила взять бразды правления Чрезвычайной комиссией в свои белые холеные ручки и во всеуслышание объявила о том, что теперь она лично будет руководить ПетроЧК.

– Я не поняла, Демьян, – тут же «взяла голосом» товарищ Яковлева, даже не подумав прикрыть за собой дверь, – ты что же это творишь?

– То есть? – Доронин, как смог, изобразил на лице недоумение.

– Не понимаешь? – чуть не взорвалась начальница. – С какой стати занимаешься расследованием убийства товарища Урицкого, когда за это взялись комендатура Петрограда и ГубЧК? Кто тебе дал право...

Матрос вторично едва сдержал матюк: говорил же, без скандала не обойдется.

– Ты, товарищ Яковлева, того... Голосом не бери. – Чекист произносил слова глухо, будто те не желали вылетать из груди, а потому их приходилось с силой выталкивать. – Я сам, что ли, вызвался? Глеб Иванович приказал. Наше дело маленькое.

Варвара Николаевна открыла было рот, но тут же сдержала себя:

– Бокий?

² Доронин Демьян Федорович – матрос с миноносца «Меткий», член РСДРП с 1915 года. Откомандирован в ПетроЧК Советом депутатов Красного Балтийского флота в мае 1918 года.

³ Яковлева Варвара Николаевна – член РСДРП с 1904 года. Дважды судима царским правительством (1906 и 1913 годы) за революционную деятельность. Кандидат в члены ЦК РСДРП. Откомандирована из Москвы в Петроград, в ПетроЧК, в начале августа 1918 года по личному распоряжению Ф.Э. Дзержинского.

– А что, у нас уже есть другой Глеб Иванович?

Яковлева слегка притихла, охолонула.

– По какой причине?

– Так по той. Сказал: мол, спасибо, конечно, товарищам из комендатуры и Губчека за поимку да за первый допрос, однако то наше дело. То есть ПетроЧК. А после приказал забрать у них дело и провести расследование.

– И они отдали?

– Нет, – вынужден был признаться матрос, – сказали: раз начали, сами и закончат.

Варвара Николаевна сочно выругалась:

– Бардак! Везде и во всем! Прав, сто раз прав Феликс, что прислал меня сюда. Я у вас здесь, мать вашу, порядок наведу. Кто с тобой работает над этим делом?

– Так это... Озеровский.

– Это что ж, бывшему жандарму Бокий доверил провести расследование убийства товарища Урицкого? – Тут Яковлева сдерживать себя не стала, выматерилась от души. – У него что, совсем ума не стало? Ничего, по поводу Озеровского разберемся! Спросим! Говоришь, приказали... Так выполняй приказание. Ищи сообщников убийцы. Контру! Беляков недорезанных! А ты херней всякой маешься! Почто держишь под арестом товарищей-чекистов? Тебе что, мало того что они поймали убийцу товарища Урицкого «на горячем», так ты с них еще и показания снимать вздумал? Что за протоколы? Какой допрос? Ты что, Демьян, совсем из ума выжил?

– Под каким арестом? – Доронин привстал. – Ты, Варвара Николаевна, говори, да не заговаривайся! Никто никого не арестовывал! А протокол для суда. Для трибунала! Чтобы могли, значит, ознакомиться с делом. Со всех, так сказать, сторон. Как произошло убийство, со слов этих... При каких обстоятельствах арестовали убийцу? Что при нем нашли? Ну, и так далее...

– Озеровский надоумил? – догадалась Яковлева.

Доронин промолчал. А что ему было ответить?

Варвара Николаевна обернулась, с силой захлопнула створку двери, после чего вернулась к матросу:

– Ты, Доронин, дурак или действительно чего-то не понимаешь? Если не понимаешь, так скажи. Поможем, разьясим. Того сопляка, убийцу Соломоновича, завтра расстреляют! И без твоих бумажек! Как врага народа! А если дурак, то тебе нечего делать в ЧК. Так что выбирай: или остаешься и служишь республике как положено, либо собирай манатки и мотай в Кронштадт, к матросне своей!

При последних словах Доронин резко встал, отчего теперь возвышался над товарищем Яковлевой почти на две головы. На челюстях моряка, под седоватой небритостью, играли желваки.

– А ты, Николаевна, на меня не дави. – От гнева и без того широкая грудь отставного матроса расширилась еще больше, из-под гимнастерки выглянула полосатая тельняшка. Тельник под гимнастеркой треснул. – Утихомирь давилочку. Меня в ЧК не ты поставила, а партия. А потому партия и решит, как со мной быть дале. А ты, Варвара Николаевна, у нас еще не партия. А посему буду поступать так, как мне велит партбилет. А он велит соблюдать законность. А по закону...

– Доронин, ты мне тут ликбез перестань читать! – вспыхнула женщина. – Меня, между прочим, тоже партия сюда поставила. А потому будешь выполнять то, что прикажут!

– Буду! – тут же отреагировал Доронин. – Любой приказ ЦК выполняю! Но ЦК, а не твой лично. Тебя, Варвара Николаевна, точно, партия прислала. Не спорю. Однако ж руководить ПетроЧК вместо Соломоновича она тебя не назначала. Не было такого приказа из Москвы. И то, что ты заняла место товарища Урицкого, – явление временное. Так сказать, необходимое.

На несколько дней. Вот прибудет Феликс Эдмундович, тогда все и определится. И по закону, и по делу.

– Вот именно, – женщина тяжело дышала, от чего ее высокая грудь ходила ходуном. Впрочем, Доронину на сей факт было абсолютно наплевать, – а пока он не приехал, будете выполнять мои указания. Ясно? Вопросы есть? Вопросов нет.

Доронин еле сдержался, задавил в себе едва не сорвавшийся матюк, спрятал взгляд: ох, будет в нашей хате драка. И еще какая... Бокий ведь просто так не сдастся.

Варвара Николаевна тоже перевела дух.

– Убийцу допросили? – более спокойным тоном поинтересовалась.

– Да.

– Ты?

– Нет. Комендант Шатов.

– Убийца признался?

– Признался.

– Вот и хорошо. До завтра, до приезда Феликса Эдмундовича заключенного не трогать. На допросы не вызывать. Дзержинский сказал, что хочет с ним лично поработать. И никакой, слышишь, Доронин, никакой самостоятельности, если ты, конечно, еще хочешь продолжать служить партии. Смотри, Демьян, завтра не я, сам Феликс с тебя спросит. И еще, – проговорила Варвара Николаевна резким, стремительным движением руки оправляя юбку, – Доронин, ты почто еще не расстрелял Белого? А?

«Ух ты, – вторично удивился отставной матрос, – про беляка вспомнила. Даже я о нем забыл. И какая падла ей на ухо все нашептывает?»

– Так, – принялся выкручиваться чекист, – Моисей Соломонович приказал не трогать до поры до времени. Точнее, не трогать беляка до тех пор, пока тот не признается, куда и на какие счета перевел деньги банкира Губельмана.

– Сам Соломонович приказал?

– Ну да.

– Это какого Губельмана? – тут же проявила интерес Варвара Николаевна. – Уж не того ли, что помог товарищу Зиновьеву с поставками продуктов в Петроград?

– Совершенно верно. Того самого.

– И много денег?

– По словам Губельмана...

– Товарища Губельмана! – неожиданно поправила Яковлева.

– Что? – не понял Демьян Федорович.

– Я говорю: товарища Губельмана. Товарища! Ясно?

– Понял.

– И сколько?

– Два с половиной миллиона. Золотом.

– Ни... себе... – Чуткое ухо Доронина расслышало знакомое с детства словосочетание. – И как это произошло? Когда?

– Всего еще не знаем. Этого беляка арестовали только из-за того, что на него донес Губельман. А в двух словах дело было так. Губельман еще до войны занимался продажей машинок «Зингер». И не только здесь, в Питере. Но и в Сибири. Там он в первый раз и стакнулся с его благородием.

– Не с благородием, а врагом революции! – жестко уточнила Яковлева.

– Ну да... – смутился матрос. И продолжил: – Че у них там было, в Сибири, сам пес не разберет. Только перед временными они снова стакнулись, но уже здесь, в Питере. Белый еще при царе посадил Губельмана. И дело шло к расстрелу. А после, бац, сам полковник загремел на нары. А товарища Губельмана выпустил господин Керенский. – Демьян Федорович хитро

прищурился: он специально принялся употреблять слово «товарищ» по отношению к фамилии «Губельман» как можно чаще – нехай Варька поморщится. Товарища и выпустил сам Керенский... – Ну а после нашей победы товарищ Губельман признал Белого на улице, вот тот у нас и появился.

– А что по поводу денег говорит сам Губельман?

– Сказал, что беляк у него все изъят, спрятал где-то в Европе. Готов отдать все на благо дела революции.

– Точно изъят или, мол, изъят?

Доронин пожал сильными, широкими плечами:

– Бес его знает. Может, брешет.

– А беляк, значит, молчит?

– Как воды в рот набрал, – соврал Доронин. Опять же не по личной инициативе.

– Сука! – не сдержала эмоций Варвара Николаевна. – В городе нехватка продуктов. Голод. На человека осьмушку хлеба выдаем. Да и того осталось с гулькинос. А этот... Два миллиона... Какие деньжищи! Почему молчит? Нас ненавидит?

Доронин едва сдержал вздох: ох и умеет Варвара Николаевна напустить туману. Осьмушка хлеба... Да, полгода тому так оно и было. Но по лету-то полегчало.

Яковлева с нетерпением ждала ответ.

– Да вроде нет. Ненависти в нем не видно. Равнодушный он какой-то. Мертвый. Молчит все время. Ни с кем не разговаривает.

– Методы принуждения применяли?

– То есть?

– Ты, Доронин, из себя «целку» не строй. Пытали?

– Так ведь запрещено!

– Детворе, пухнувшей от голода, будешь рассказывать, что разрешено, а что запрещено! Может, они тебя поймут. А я нет! Чтобы сегодня же приступил! Лично! Понял? И результаты мне на стол! Даю два дня! Всего два! Не захочет расколоться – в расход! Нечего на него хлеб переводить. И смотри, – тонкий указательный палец красавицы, словно ствол револьвера, больно ткнул матроса в грудь, – если что, с ним вместе под трибунал загремишь!

* * *

Озеровский⁴ Аристарх Викентьевич – бывший следователь имперской уголовной полиции, а ныне, в силу житейских обстоятельств, доброволец, сотрудничающий с ЧК, – оправил на животе жилетку, одернул полы выдавшего виды сюртука, после чего робко постучал костяшками пальцев по полированной поверхности двери.

– Входите! – донеслось из кабинета.

Аристарх Викентьевич служил в Чрезвычайной комиссии почти три месяца, с начала лета, однако до сих пор не мог привыкнуть к тому, что находится в подчинении сильного духом и телом полуграмотного и нагловатого матроса из Кронштадта.

Доронина старый следователь побаивался. И за грубую силу, которую тот мог применить, и однажды применил у него на глазах, во время разгона захватившей продовольственные склады мужицкой массы. И за хитрый ум. И за крепкое, непривычное уху следователя словцо, отдающее морской солью и ветрами дальних странствий. А также за открытость характера. Да-

⁴ Озеровский Аристарх Викентьевич – беспартийный. Не сочувствующий. Бывший старший следователь Петербургского уголовного сыска. Арестован по распоряжению Временного правительства в марте 1917 года за «нелояльное отношение к подследственным». Выпущен на свободу в ноябре 1917 года как «пострадавший от рук царского режима». Принят на службу Петроградской ЧК в июне 1918 года.

да, и за открытость, коей не могли похвалиться его прежние сослуживцы по Санкт-Петербургскому департаменту уголовного сыска, основной целью своего существования считавшие подсидеть вышестоящего коллегу и занять нагретое им местечко.

Аристарх Викентьевич приоткрыл дверь, просунул в образовавшуюся щель голову:

– Разрешите?

Демьян Федорович тяжело вздохнул: ну и противный же этот тип, Озеровский. Сколько можно... Идти к себе на рабочее место и зачем-то стучать в дверь! Причем противно стучать, эдак, гаденько постукивать. Издевается, что ли?

– Входите, Аристарх Викентьевич! – выкрикнул чекист, с силой хлопнул ладонью по столу, убив муху. – Да не топчитесь в дверях, ей-богу.

Озеровский проник внутрь помещения, осторожно прикрыл за собой дверь.

– Послушайте, Аристарх Викентьевич, – выдохнул отставной матрос, – мне это начинает надоедать. Каждый божий день вы приходите на службу и начинаете с того, что барабаните в дверь своего же кабинета, встаете при появлении любого, заметьте, любого, даже самого мелкого посетителя. Постоянно прячете в стол бумаги. Выходите из кабинета при появлении руководства. Словом, ведете себя так, будто не в ЧК служите, а сами ждете ареста. Ну нельзя же так, Аристарх Викентьевич!

– Нельзя, – согласно кивнул головой следователь, – но по-иному, простите, как-то не получается. – Голос у Озеровского был мягкий, бесплотный, и, как однажды высказался Доронин, безвольный. Вот этим безвольным голосом Аристарх Викентьевич теперь и оправдывался: – Я ведь, как вам известно, пребывал не только по сию сторону решеток, но и по иную.

– Так то при Временном было! – вставил реплику Доронин. – А теперь чья власть? Наша, народная! То есть советская! А вы являетесь защитником новой власти. А потому ведите себя соответственно. Что смогли узнать? – с ходу перешел к делу матрос.

– Не очень много, как того бы хотелось. Но довольно существенное. Простите, Демьян Федорович, вы допрос наших сотрудников уже произвели?

– Да. – Доронин кивнул на лежащие на столе бумаги. – Правда, не понимаю зачем? Для чего вы меня попросили провести эту, так сказать, беседу? Ведь и так понятно: Канегиссер убил товарища Урицкого. Сотрудники ЧК Геллер, Фролов, Шматко и Сингайло, а также солдат Андрушкевич из 3-го Псковского полка задержали убийцу. Что непонятного? Удивляюсь, как они еще сдержались, там, на чердаке, и не прикончили студента. Будь я на их месте, шмальнул бы из маузера пару раз, да все дела.

– И тогда бы нарушили закон, – тихо заметил Озеровский.

– Ой, вот только не надо мне палубу драить! – отмахнулся Доронин. – Контра она и есть контра! К нам с приветом – мы с ответом!

– Но если так подходить, с такой именно позиции, то любой мальчишка-форточник может стать контрой, – негромко проговорил следователь.

– А вот палку перегибать не надо. – Доронин заломил левую руку за голову, почесал затылок. – Мы тоже с понятиями. Разбираемся: кто ворует по голодухе, а кто из соображений обогащения. Так-то.

– По причине, как вы выразились, голодухи вовсе не обязательно воровать. Я вот к вам пришел именно из-за голода, но не воровать, а работать. Честно зарабатывать на хлеб.

– А мы вас за это и ценим. Только не все могут зарабатывать. Где, скажите, может честно заработать малец, у которого нет никакого опыта работы? То-то! Нигде! По крайней мере сейчас. Но ничего, мы и с этим справимся. Всему свое время. Так что вы там выходили?

– Простите, Демьян Федорович, с вашего разрешения, позвольте сначала взглянуть на протоколы допроса.

– Какого допроса? – Доронин раздраженно кивнул на бумаги. – Нашего? Или Сеньки Геллера? Или Шатова? – Чекист на сей раз не сдержался, зло выругался. – У нас сейчас сам черт не поймет, кто занимается этим делом. Все как с цепи сорвались.

– Если позволите, – Озеровский поморщился: он терпеть не мог бранных выражений. Тем более из уст официальных лиц, – протокол вашего допроса. С протоколами, составленными Шатовым, я уже знаком. С протоколом допроса граждан, задержавших Канегиссера.

– Товарищей! – с ударением произнес Доронин. – Товарищей, а не граждан! И запомните это на будущее.

– Хорошо. Товарищей.

– То-то! Вот, смотрите. – Отставной матрос протянул листы. – Отчего ж не посмотреть. Это ж ваша... Эта... Как ее... Все забываю слово...

– Инициатива.

– Точно. – Демьян Федорович тряхнул головой. – Ну и напридумывали слов. Нет чтобы по-простому, ясно, понятно. Так нет же, все навыворот, чтобы непонятно было, кто о чем говорит. Инициатива... Язык сломать можно.

А Аристарх Викентьевич мысленно ругался по иному поводу.

Точнее, по нескольким. Во-первых, он никак не мог понять, в чем и был солидарен с Дорониным, почему для расследования столь простого дела (убийца задержан, во всем признался) работали три следственные группы, когда достаточно одной, хотя бы той же Губчека? Во-вторых, непонятно: почему действия групп между собой никак не соприкасались? Точнее, почему Бокий приказал не контактировать с другими группами? Ведь допрашивали одних и тех же свидетелей.

Далее. Почему, по какой причине первый допрос убийцы произвели не Бокий или Яковлева, преемники Урицкого, чекисты, а комендант Петрограда Шатов? При чем допрос был проведен крайне бестолково и безграмотно. Почему убийцу сразу отвезли не в ЧК, а в здание Петросвета?

Вся эта туманность крайне нервировала опытного следователя.

Вдобавок ко всему Озеровского выводил из себя почерк матроса. Разобрать написанное Дорониным было все одно что с ходу расшифровывать древнеегипетские иероглифы. Буквы, написанные мозолистой рукой матроса, напоминали крючки, которые жили на бумаге самостоятельно, даже не цепляясь друг за друга. Между ними оставалось такое расстояние, в которое Озеровский при желании смог бы вставить целое слово. Оттого смысл не то что предложения, а одного словосочетания полностью терялся, исчезал в таинстве доронинской криптографии.

– Простите, не поможете? Что это за слово? – следователь протянул протокол чекисту. – Пре... При...

Указательный палец Озеровского ткнул в написанное. Демьян Федорович присмотрелся.

– Предупредительный выстрел. Шматко так сказал. Фролов сделал, после чего Канегиссер сдался.

– Понятно. – Аристарх Викентьевич едва сдержал недовольный выдох. – Фролов и Сингайло подтверждают слова Шматко?

– Сингайло ничего не видел, оставался внизу. Вместе с Андрушкевичем.

– А Фролов?

– Фролов подтвердил. А чего не подтвердить? Взяли, арестовали, вся недолга. А что не нравится?

– Да как вам сказать... – следователь аккуратно вернул листы на стол, после чего, по старой привычке заложив руки за спину, стоя на месте, принялся раскачиваться с носка на каблук, – неточности имеются, точнее, некоторые разночтения. В том, что рассказывают наши товарищи, – с трудом вытолкнул из себя последнее слово Озеровский, – и тем, что сообщили жильцы дома, в котором арестовали убийцу товарища Урицкого.

– Кто? Жильцы? – Доронин потер рукой щетину на щеке. – Какие жильцы? Вы что, опрашивали жильцов?

– Пришлось, – следователь пожал плечами. – Признаться, не думал этого делать, но так вышло, – осторожно добавил Аристарх Викентьевич.

– Вы зачем туда поехали? – Отставной матрос тут же мысленно увидел перед собой Яковлеву, услышал ее крик: «Ты каким местом думаешь, Доронин?» Отчего не смог сдержать эмоции. – Вы для чего туда вернулись? Что вы там вынюхивали? Что было непонятного, что вас потянуло на Миллионную? Не верите нашим товарищам?

– Простите, – поначалу голос старого следователя дрогнул, но потом в нем неожиданно зазвучали мужественные нотки, – я не вынюхивал! Хотя нас в незапамятные времена и называли «легалыми», и тем не менее... А искал я доказательства вины убийцы товарища Урицкого. По личному распоряжению господина Бокия! И если вы считаете расследование уголовного преступления вынюхиванием... Можете прямо сейчас закрыть дело.

Доронин несколько раз сжал и разжал кулаки. Полегчало. И с чего он накинулся на старика? Только с того, что на него самого наорала истеричка? Так ежели каждая баба будет вот так кипятком шпарить, то и житья не станет.

Демьян Федорович хмыкнул, слегка улыбнулся, ощерив практически беззубый рот:

– Обиделись? Напрасно. Простите, не сдержался. День сегодня такой... Неудачный. Так что вас насторожило? Или это слово тоже неприятно?

– Да нет. – Озеровский снова заговорил тихо, с придыханием. – Вы только что правильно заметили. Потянуло. Я вот сам себе задал вопрос: почему убийцу товарища Урицкого сразу после совершенного преступления потянуло именно на Миллионную? Именно в тот дом? Может, он там проживал? Ответ отрицательный. Канегиссер проживает в Саперном переулке, вместе с родителями. Кстати, довольно известная, зажиточная семья.

– Их уже арестовали.

Озеровский вздрогнул. Такого шага от ЧК он не ожидал.

– Думаю, напрасно вы так поступили, Демьян Федорович.

– Так поступил не я, а комендант Шатов. Нам только доложили. А что не так?

Озеровский нахмурился: еще одна странность. Не слишком ли много на одно по большому счету банальное уголовное дело?

– Семья преступника к нашему делу не имеет никакого отношения. Впрочем, – тут же быстро продолжил сыщик, – возвратимся к интересующим нас вопросам. А может, на Миллионной, в том доме, в той квартире, куда забежал Канегиссер, проживают друзья убийцы? Снова ответ отрицательный. Я прошел по соседям. Никто и никогда в том доме Леонида Канегиссера не видел. По крайней мере никто в том не признался.

– Могли соврать, – вставил аргумент Доронин.

– Могли, – согласился Аристарх Викентьевич, – только, думаю, вряд ли. Если Канегиссер заранее рассчитывал скрыться именно в этом доме, и если он с кем-то находился в сговоре, те должны были ему помочь, приготовить пути к отступлению. Потому как не в интересах сообщников арест убийцы. Проще либо впустить преступника, закрыв за ним дверь, а потом вывести из квартиры через черный ход или чердак. На крайний случай окно, а там по крышам в соседние дворы, а то и на соседний квартал. Либо убить на месте. В виде самообороны. И этим обрезать все следы. В нашем же случае мы не наблюдаем ни первого, ни второго.

– Думаете, убийца вбежал в дом случайно?

Следователь задумчиво покачал седой головой.

– Вот этого-то я и не думаю. На данной версии настаивает сам преступник. Что крайне подозрительно. Имеется один момент, на который я бы хотел обратить ваше внимание. – Озеровский перелистал лежащие на столе и уже изученные им ранее бумаги, извлек один из исписанных листов, поднес к глазам. – Вот, послушайте, что говорит Канегиссер во время допроса,

который вел комендант Шатов. «Я, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, студент Политехнического института, 4-го курса, принимал участие в революционном движении с 1915 г., примыкая к народным социалистическим группам. Февральская революция застигла меня ...» Это пропустим. Дальше. «Утром 30 августа, в 10 часов, я отправился на Марсово поле, где взял напрокат велосипед и направился на нем на Дворцовую площадь, к помещению Комиссариата внутренних дел. В залог за велосипед я оставил 500 руб.». – Озеровский оторвал взгляд от документа. – Здесь мы имеем подтверждение. Далее: «Деньги эти я достал, продав кое-какие вещи. К Комиссариату внутренних дел я подъехал в 10.30 утра. Оставив велосипед снаружи, я вошел в подъезд и, присев на стул, стал дожидаться приезда Урицкого. Около 11 часов утра он подъехал на автомобиле. Пропустив его мимо себя, я поднялся со стула и произвел в него один выстрел, целясь в голову, из револьвера системы «Кольт» (револьвер этот находился у меня уже около 3 месяцев). Урицкий упал, а я выскочил на улицу, сел на велосипед и бросился через площадь на набережную Невы до Мошкова переулка и через переулок на Миллионную улицу, где вбежал во двор дома № 17 и, вбежав в подъезд, бросился в первую попавшуюся дверь. Ворвавшись в комнату, я схватил с вешалки пальто и, переодевшись в него, выбежал на парадную лестницу, где и был схвачен. Протокол был мне прочитан. Запись признаю правильной». – Озеровский аккуратно положил протокол на стол. – А теперь о том самом моменте, который мне не по душе. По какой причине убийца решил покинуть дом по парадной лестнице? Он что, не понимал, что его обязательно будут ждать и с черного, и с парадного хода? Повторюсь: намного проще и понятнее сделать попытку уйти по крышам, через окно. – Озеровский глянул на матроса сонными, уставшими глазами. – К тому же, обратите внимание, во время первого допроса Канегиссер ни словом не упоминает о шинели Сингайло. Почему? Запомнил? Растерялся? Или злую шутку сыграла паника?

– Паника?

Доронин хмыкнул, протянул руку, поднял со стола только что зачитанный протокол допроса, медленно, по слогам, прочитал еще один фрагмент:

– «Мысль об убийстве Урицкого возникла у меня только тогда, когда в печати появились сведения о массовых расстрелах, под которыми имелись подписи Урицкого и Иосилевича. Урицкого я знал в лицо. Узнав из газеты о часах приема Урицкого, я решил убить его и выбрал для этого день его приема в Комиссариате внутренних дел – пятницу, 30 августа». – Демьян Федорович провел рукой по небритой щеке. – Как вам это? Тут никакой паникой не должно пахнуть. Десять дней ждал, мститель хренов. Контра недобитая...

– Какие десять дней? – не понял Аристарх Викентьевич.

– Так вот же, написано. – Доронин тряхнул листком. – Возникла мысль, когда прочитал газеты о массовых расстрелах за подписью Урицкого. А такой указ был один, десять дней тому назад.

Озеровский нахмурился: вот это да! А ведь точно, последний расстрельный приказ был опубликован 22 августа. А он сей факт во внимание не принял. Вот тебе и матрос...

Демьян Федорович кинул лист на стол, криво ухмыльнулся:

– Массовые расстрелы. Двадцать человек. Тьфу, ерунда. Знал бы сопляк, что такое массовые расстрелы? Или вы тоже считаете, будто двадцать контриков – это масса? Молчите? Значит, поддерживаете.

– Молчание не всегда есть подтверждение какого-либо факта.

– Красиво сказали, – матрос хлопнул себя по коленям, обтянутым армейскими галифе, – хоть и непонятно. Ну да бог с ним, с вашим фактом. А что вам еще показалось странным? Ведь показалось, вижу.

В чем-чем, а в наблюдательности матросу отказать было нельзя. Все увидел, шельма, будто сквозь увеличительное стекло.

Аристарх Викентьевич набрал в легкие кислороду и, будто ринувшись с головой в ледяную воду, произнес:

– Практически все.

– А точнее? – тяжело выдохнул Доронин. Нет, определенно, сегодня неудачный день. То Яковлева душу мотала, теперь старик свалился на голову со своей туманностью.

– Ну, хотя бы взять тот факт, как студент готовился к убийству.

– И как? – Демьян Федорович скептически посмотрел на старика. Любопытно, что божий одуванчик может знать о том, как готовятся покушения? – Взял револьвер, убил. Все!

– Да нет, Демьян Федорович, в том-то и дело, что не все так просто. – Озеровский, видя, что его пусть несерьезно, но все-таки внимательно слушают, принялся подыскивать убедительные аргументы. – Конечно, идеальный вариант нам самим допросить Канегиссера, его родных. Чтобы получилась полная картина.

– Варька запретила трогать пацана до приезда Феликса Эдмундовича.

– Что ж, как говорится: хозяин – барин, – Аристарх Викентьевич аккуратно огладил полы сюртука. Ох, как не нравилось ему то, что в данную минуту творилось вокруг, – только странно это. Следовательно не может допросить подозреваемого? Не находите?

– Нет, не нахожу, – отрезал чекист. – Какой же этот сопляк подозреваемый? В убийстве признался? Признался. Вину взял на себя? Взял. Все, амба! Или думаете, он вам что-то иное запоет?

– Сомнительно, – стушевался старик.

– Вот видите. Задача у нас одна: выяснить, были сообщники или нет? А в данном деле Канегиссер нам не помощник. Даже, наоборот, обуза. Начнет врать, вилять. Уводить, так сказать, с пути истинного. Только время потеряем. Так что у вас за соображения, Аристарх Викентьевич?

Озеровский бросил быстрый взгляд на коллегу: никак не мог привыкнуть к резкости интонаций в речи отставного матроса и к тому, как тот стремительно меняет направление разговора.

– На данный момент мы имеем достаточно материала для раздумий. И для некоторых выводов. Взять, к примеру, такой факт. Нормальный преступник, я акцентирую ваше внимание, Демьян Федорович, на слове «нормальный». Так вот, нормальный преступник по своей сути есть аналитик. Иначе ему никак нельзя, потому как на кону стоят жизнь и свобода. Он обязательно тщательно продумывает пути ухода с места преступления. Все варианты! Даже дилетант. Желание сохранить жизнь и свободу после совершенного преступления – нормально для преступника. А посему Канегиссер, как человек далеко не глупый, перед тем как прийти в комиссариат, должен был как минимум продумать пути отступления. Вы сами только что сказали, у него имелось десять дней для этого. Целых десять дней! Изучить местность. Проверить проходные дворы, наличие замков на воротах. И так далее. Причем Канегиссер должен был осознавать, что времени у него будет мало. Практически в обрешет. По причине преследования. При этом, заметьте, в данной ситуации самым идеальным вариантом скрыться от погони был следующий: не стремиться изо всех сил на Миллионную, как поступил убийца, а, покинув здание комиссариата, спокойно свернуть под арку, на Морскую, всего сто шагов, а оттуда на Невский и смешаться с толпой. Там бы его сам черт не нашел! Однако преступник упорно стремится именно на Миллионную, пересекая всю пустую, открытую Дворцовую площадь. Растерялся, потому и выбрал самый неудобный путь для бегства? Нет. – Озеровский уверенно тряхнул головой. Теперь его голос звучал крепко, на удивление Доронину. – Почему нет? Да потому, что студент заранее избрал именно данный путь отхода, потому-то и взял напрокат велосипед. На Невском, и с велосипедом? Крайне приметно. Ладно, допустим, Канегиссер дилетант и действительно плохо спланировал уход. Решил, что уйти по Миллионной, на велосипеде, проще. Но он и далее поступает нелогично. Вместо того чтобы, свернув на Милли-

онную, тут же спрятаться в ближайшем подъезде или подворотне, а оттуда, воспользовавшись вторым выходом, проскочить через проходные дворы на соседнюю улицу, убийца сломя голову несется на своем велосипеде по практически пустой Миллионной, словно иных вариантов у него нет. В результате Канегиссер становится идеальной мишенью для преследователей. Опять случайность? Далее: так и не воспользовавшись проходными дворами, потеряв драгоценное время, преступник, теперь наконец понимая, что его догоняют, бросает велосипед и, по совершенно дикой случайности, вбегает именно в тот дом, в тот единственный дом на Миллионной, в котором черный выход заколочен еще со времен господина Керенского. Я проверил. Все дома, что стоят рядом с данным строением, имеют открытый второй выход. Все! Кроме интересующего нас дома! – Озеровский развел руками. – У господина Канегиссера сегодня был на удивление невезучий день! Если не считать того, что он все-таки выполнил намеченное. А в остальном... Невольно напрашивается вопрос: что это? Критинизм? Или нечто иное?

Следователь протянул руку, указал на протокол допроса.

– Или вот еще. Убийца в своих показаниях утверждает, будто его задержали на лестнице. Но не уточняет – где? В каком месте? – Доронин заметил, как голос Озеровского, приводя доводы и аргументы, все более и более набирает силу. Ненадолго, – тут же заметил Демьян Федорович. Выплеснется, опять станет вроде мыши. – Чекисты, которые его арестовали, заявляют, будто ближе к выходу на чердак, точнее, на самом чердаке. Жильцы же дома твердят в один голос о том, что преступника задержали на лестнице, ближе к нижним этажам. Вам не кажется, что это очень странное несовпадение в показаниях?

– И кому верить? – Чекист поскреб твердыми ногтями пальцев по заросшему затылку.

– Никому, – неожиданно отозвался следователь. – Привыкайте. В нашей профессии никому нельзя верить на слово. Все, о чем вам в дальнейшем сообщат потерпевшие, свидетели, сами преступники, нужно проверять и перепроверять. Причем не один раз, и опять же никому не доверяя. Такова специфика. Касаемо дела... Исходя из своего личного опыта, могу заявить: верить преступнику можно только исключительно по горячим следам. Как только приходит в чувство, – Озеровский покачал головой, – все! Начинается ложь во имя спасения. А потому не совсем, но более-менее доверять стоит первому протоколу допроса. Потому, как во втором начнут появляться новые, непонятные детали. Вот, смотрите. – Аристарх Викентьевич снова взял со стола один из листов. – Цитирую протокол второго допроса. Опять же со слов Канегиссера: «Ворвавшись в комнату, я схватил с вешалки пальто и, переодевшись в него, выбежал на лестницу и стал отстреливаться от пытавшихся взять меня преследователей. В это время по лифту была подана шинель, которую я взял, и, надев шинель поверх пальто, начал спускаться вниз, надеясь в шинели незаметно проскочить на улицу и скрыться». Откуда взялась шинель?

– Ее поднял в лифте Сингайло. – Доронин кивнул головой на документ. – Чтобы сопляк принял шинель за одного из них и расстрелял весь барабан.

– А зачем убийца ее надел? Неужели думал, будто Сингайло настолько глуп, что не узнает своей шинели? – веско заметил следователь. – Но и это еще не все. Ладно, предположим, так оно и было на лестнице. Но я попрошу вернуться чуть назад. В данных, вторых, показаниях отсутствует логика. Следите за моей мыслью. Построчно. «Ворвавшись в комнату, я схватил с вешалки пальто и, переодевшись в него, выбежал на лестницу и стал отстреливаться от пытавшихся взять меня преследователей. В это время по лифту была подана шинель, которую я взял...». – Озеровский провел указательным пальцем по строкам. – Здесь отсутствует время. Временные рамки. В показаниях Канегиссера все слилось. Исходя из них, получается, убийца в течение короткого времени взбегаает по черной лестнице, врывается в незнакомую квартиру, снимает с вешалки пальто, надевает его на себя, пробегает сквозь всю квартиру, выбегает на площадку парадной лестницы и тут же вступает в перестрелку с преследователями. Вам ничего не показалось странным?

– Да вроде, как...

– Станным, Демьян Федорович, является то, что убийцу к тому времени преследователи уже ждали на парадной лестнице. Берем протокол допроса Сингайло. Если помните, он заявил следующее: когда они услышали выстрелы, то есть услышали перестрелку между Фроловым, Шматко и убийцей, то решили поднять на лифте пустую шинель, чтобы Канегиссер разрядил в нее остаток патронов, приняв шинель за сотрудника ЧК. Встает вопрос: как Фролов, Шматко и Сингайло смогли догадаться, что убийца решит воспользоваться именно парадным ходом? Получается, они никого у «черного» хода не оставили. У того хода, в который вбежал убийца. Откуда такая небрежность? Вторая неувязка. Фролов утверждает, будто они задержали Канегиссера, когда тот спускался в шинели Сингайло. Но встает вопрос...

Озеровский замолчал, давая матросу возможность найти ответ самостоятельно. И тот нашел:

– Если Фролов и Шматко стреляли в Канегиссера, то как он смог спуститься вниз, минуя их?

– Именно!

После минутной паузы Доронин не сдержался, вспылil:

– А, собственно, какая нам разница, как и где схватили этого Канегиссера? Внизу. Наверху... Главное – поймали!

– С одной стороны, я с вами согласен. Действительно, какая разница, где был задержан убийца? Перепутали, с кем не бывает.

– Вот!

– Только, Демьян Федорович, повторюсь: меня иное беспокоит. Откуда Фролов и Шматко знали, что Канегиссер выбежит на парадную лестницу, а не воспользуется вторично «черным» ходом? Опять же идиотское переодевание. Оно мне покоя не дает. Зачем? К чему? Полная бессмыслица.

– У страха глаза велики, – заметил матрос.

– И потому, вместо того чтобы уходить по крышам, решил разыграть спектакль перед дураками-чекистами? – едко отреагировал Озеровский, впрочем, тут же прикусил язык: – Простите.

Но Доронин только махнул рукой.

– Бросьте.! И правда, ерунда какая-то получается, – матрос с силой опустил руку на шею, убив надоедливую комара. – Ну, с враньем наших понятно. Скорее всего, труханули, а после наприписывали себе подвиги. А вот с какого рожна студенту врать? Ведь и так ясно: он – убийца. Свидетелей столько, лучше и не придумать. – Аристарх Викентьевич отметил, как матрос уверенно употребил слово «свидетелей». Два дня заучивал. – И однако тоже врёт! – Чекист в упор посмотрел на коллегу. – Действительно, как-то не то: сначала одел пальто, после давай переодеваться в шинель.

– Надел, – механически поправил сыщик, – пальто надевают.

– Какая разница! – отмахнулся матрос.

– Вот и меня беспокоит данный вопрос, – задумчиво отозвался старик. – В любом случае показания Канегиссера и Фролова совпадают в одном: как бы они ни юлили, тем не менее обе стороны подтвердили, что находились на достаточном расстоянии друг от друга. – Доронин замороженно наблюдал за следователем: вот так, спокойно и рассудительно высказать свою мысль он точно никогда не сможет. А Озеровский продолжал излагать: – Теперь давайте пофантазируем. Представим ситуацию на Миллионной с учетом показаний чекистов, Канегиссера и нашего жизненного опыта. Итак, убийца вбегает в черный ход, устремляется по лестнице вверх. Вбегает в квартиру, пробегает сквозь нее, хватая первую попавшуюся одежду, по ходу натягивает на себя, выбегает в парадное. Одновременно все четверо преследователей концентрируются у парадного входа. По непонятной причине они полностью игнорируют черный ход, по которому убийца вбежал в дом. Хотя, по логике вещей, должны были как раз сосредоточить

свое внимание сначала именно на нем, и только после, для подстраховки, на парадном. Однако преследователи поступают вне логики. Идем дальше. Чекисты...

– Товарищи чекисты! – тут же поправил матрос.

– Простите, – поперхнулся Озеровский, – забылся... Товарищи чекисты подошли к входу в подъезд. Несколько минут решали, кто войдет первым. – «Точно, – мысленно отметил Демьян Федорович, – я бы тоже хрен кинулся незнамо куда». – Вошли. Причем вошли осторожно. – «Точно, – снова отметил Доронин, – если бы были смелыми, не ждали бы Сеньку». А Озеровский словно прочитал мысли матроса и продолжил: – Товарищ Геллер со второй группой чекистов прибыли на место задержания преступника спустя десять минут. Данный факт подтверждают Фролов, Сингайло и сам Геллер. Как ни крути, у убийцы имелось достаточное количество времени для того, чтобы скрыться. И через неохраняемый черный ход, и по крышам. Однако вместо этого, по непонятной причине, он выбирает маскарад. Но это не спасает. Далее. Фролов в своих показаниях утверждает, будто преследуемый стрелял. А они со Шматко делали только предупредительные выстрелы. Канегиссер же утверждает совершенно противоположное, будто стреляли в него.

Доронин неожиданно резко вскинулся:

– А сетка и лифтовая шахта? Как с ними быть? Я в таких домах хаживал. Знаю. Там перестрелку очень тяжело устроить. Противника не видно: весь обзор сетка закрывает. Для того чтобы попасть, нужно выйти на открытое место, а это – самому пулю получить.

Ай да матрос... Озеровский мысленно вторично поаплодировал Доронину. Тонко схватил.

– Кто-то из них лжет, – снова, как и начинал, тихо закончил мысль Аристарх Викентьевич, не поднимая головы, – либо Канегиссер, либо наши чекисты. Хотя не исключен и третий вариант. Врут все.

Доронин хотел грубо оборвать следователя, однако смолчал. Факты красноречиво говорили сами за себя. И самое любопытное и непонятное: зачем врал студент? Ведь он и так уже сознался в совершении покушения на председателя Петроградской ЧК. Неужели...

* * *

Варвара Николаевна вскинула руки, обвила крепкую мужскую шею, с силой притянула к себе лицо любовника, прижалась сахарными устами к потрескавшимся губам. Поцелуй затянулся. В то время как тонкие пальчики теребили длинные волнистые волосы на голове товарища Зиновьева⁵, мужские руки по-хозяйски опустились по напряженной женской спине, с силой сжали ягодицы.

– Ты что... – Товарищ Яковлева легко хлопнула по руке наглеца. – Не дай бог кто войдет! Срама не оберемся.

– У входа охрана. Не пропустит.

– А твои бабы? Жена? Для нее матросня – не помеха.

– Сара? Не сунется... – самоуверенно ощерился председатель Совета комиссаров Союза коммун Северной области, прижимая к себе тугое тело руководителя ПетроЧК. – Да не ерничай! – ладонь правой руки продолжала сжимать женские бедра, в то время как левая поползла к груди. – Ну, Варенька, – голос Зиновьева звучал глухо, с придыханием, – давай...

⁵ Зиновьев (Апфельбаум) Григорий Евсеевич – член РСДРП с 1901 года. В октябре 1917-го выступил против ленинской резолюции о вооруженном восстании, по причине чего Лениным был поставлен вопрос об исключении Зиновьева из членов партии большевиков. В ноябре 1917-го Зиновьев вышел из состава ЦК, однако продолжал заниматься политической деятельностью. С декабря 1917 года и на момент происходящих событий Зиновьев занимал посты председателя Совнаркома Петроградской трудовой коммуны и Союза коммун Северной области, председателя Комитета революционной обороны Петрограда и члена Реввоенсовета 7-й армии.

– Что давай?

– Давай прямо здесь...

– Ты что, с ума сошел? – Варвара Николаевна с силой оттолкнула любовника, быстрыми движениями рук принялась оправлять платье. – Нашел место. В коридоре бы еще предложил, на потеху всему Смольному.

– А что? – Григорий Евсеевич сально хихикнул. – В этом что-то есть...

– Дурачок, – ласково проговорила Яковлева, погладила заросшую твердой, колкой щетиной щеку Григория Евсеевича, – хочу красиво. В постели. При лунном свете. А не как кобели: бегом – бегом, и в стороны.

– Красиво все хотят. – Зиновьев еще раз окинул голодным взглядом фигурку Варвары Николаевны и тут же перевел разговор на более приземленные темы. – Чего пришла, если не хочешь дать? Ведь не для того, чтобы меня подразнить.

Варвара Николаевна присела на стул.

– Угадал, не для того. Студентик, что стрелял в Соломоновича, жив, паскуда. Сидит в камере. – Яковлева замолчала в ожидании реакции председателя Петроградского Совнаркома.

– Не понял. – Григорий Евсеевич, вмиг забыв о плотских утехх, вскинул голову, отчего его нечесаная анархистская прическа «под Махно» еще более растрепалась. – Как жив? Ведь его должны были убить.

– Не успели.

– Ты что, – Зиновьев прищурился, – думаешь, мой человек скурвился?

– Не знаю, – честно призналась Яковлева. – Сам он утверждает, будто стрелял, но не попал. Фролов подтвердил, что слышал выстрелы, когда со Шматко вошел в подъезд.

– Ну вот, видишь... А почему твои чекисты не смогли доделать работу? Или что, и у них кишка оказалась тонка?

– За ними увязались люди из охраны комиссариата. А тут сосед из квартиры, что напротив. Все видел. – Варвара Николаевна заломила пальцы рук, чисто по-женски, с чувством. – Кто ж мог подумать, что этот идиот перепутает двери?

– Ты должна была все предусмотреть!

– А кто предложил, чтобы он убегал именно по Миллионной? Разве не ты? Теперь расхлебываем. Хорошо, хоть успели арестовать всех из соседних квартир, в том числе и твоего человека. Иначе бы у Бокия возникли глупые вопросы.

– Будто теперь не возникнут! – вскинулся Григорий Евсеевич.

– Не возникнут, – уверенно парировала Яковлева. – Я взяла ПетроЧК под свой контроль.

– Бокий будет против.

– Плевать.

Григорий Евсеевич вскинул быстрый, острый взгляд на подругу:

– Ну, так ежели ЧК под тобой, что ж ты мне голову морочишь? Отдай приказ расстрелять мальчишку, да вся недолга.

Красивый ротик революционерки недовольно скривился:

– Ишь, какой приткий. В том-то и дело, что не могу.

Теперь Зиновьев впился взглядом в женское лицо:

– Это еще почему?

– Потому что завтра в Питер приезжает Феликс, – четко, едва ли не по слогам произнесла Яковлева. – Лично хочет расследовать это дело.

– Твою мать... – в голос, не стесняясь, грязно выматерился председатель Совнаркома Петроградской трудовой коммуны. – И ты собираешься его дожидаться? – Теперь в голосе всегда и всех подозревающего товарища Зиновьева слышались нотки истерики, что Варвару Николаевну явно развеселило. – Чего лыбишься, сука? А-а-а, вижу... Вижу, что-то уже при-

думала... – Григорий Евсеевич приблизил патлатую, невытую голову к лицу любовницы. – Смотри, смотри мне! Захочешь сдать – вместе будем на одной веревке болтаться. Стерва!

– Не городи ерунду, – зло отозвалась Варвара Николаевна в ответ. Временный руководитель ПетроЧК нервно вскинула ногу на ногу. – Невозможно сейчас расстрелять мальчишку, понятно? Бокий начал параллельное расследование. И если до приезда Феликса поставить студента к стенке, все всплывет, как дерьмо по Неве.

– Но Феликс захочет допросить Канегиссера!

– Захочет, – утвердительно качнула головой женщина.

– И тот ему все выболтает.

– Да немного он выболтает.

– Ты... – Взгляд и без того узких глаз Григория Евсеевича прищурился. – Узнаю эту улыбку. Ты что-то уже придумала? Да-да.

– Наконец-то начал трезво мыслить.

Зиновьев положил широкую мягкую ладонь на круглое, обтянутое тканью женское колено.

– И что у тебя сейчас в голове?

Рука революционера слегка сжала коленку. Варвара Николаевна поморщилась.

– Перестань. Мне сейчас не до этого. Феликс прибудет завтра. Днем. Или ближе к вечеру. Расстрелять студента до его приезда мы не можем. Однако Канегиссер должен умереть. А посему ночью подсадим к нему «блатных».

– Каким образом? – быстро поинтересовался Зиновьев. – Убийца должен сидеть в одиночке.

– Ночью тюрьма будет переполнена. Сегодня, ближе к вечеру, состоится нападение на кооператив Военно-промышленного комитета...

– Что на Большой Московской? – уточнил Григорий Евсеевич.

– Он самый. Дом номер 13. Дадим возможность начать грабить. Всех повяжем. Произведем аресты. Заполним камеры. В том числе и ту, в которой Канегиссер. Ночью «блатные» устроят потасовку. Заточка в сердце – и все дела.

– Исполнитель есть?

– К тому часу будет.

– Ну ты и лява... А что с тем? – Председатель Комитета революционной обороны Петрограда двусмысленно недоговорил. Но Яковлева его поняла.

– С этим проще. Расстреляют. Утром. Это мелочи. Меня сейчас волнуют Шматко и Фролов. – Женщина слегка облизнула кончиком язычка тонкую нить губ. – Предположим, Фролова завтра ранним утром отправлю с продотрядом по области. Там с ним разберутся. А вот Шматко...

– Шматко возьму на себя. Дай адрес, где он проживает.

Хозяин кабинета удовлетворенно потер ладони рук. Хотя обстоятельства складывались и не совсем так, как он рассчитывал, тем не менее главное сделано. А детали не в счет.

Яковлева почувствовала: любовник немного расслабился, ход его мыслей вернулся к началу встречи: взгляд вновь начал блуждать вокруг ее гибкого тела.

– Смотри, с огнем играешь, – хищно оскалила зубки Варвара Николаевна. – Держи себя в руках.

– А не боишься, что Феликс пронюхает о наших с тобой...

– Переживу. Я его таким не раз видела. Знаю, как успокоить.

– Но, но... – Зиновьев театрально прищурился, – я мужик ревнивый, не люблю, когда мою собственность без разрешения лапают.

– Феликс может сказать то же самое. Причем с правом первенства. – Варвара Николаевна спрятала зубки, сбросила мужскую руку с колена, поднялась, слегка выгнувшись так, чтобы

ткань натянулась на груди. – К тому же, если бы не он, видел бы ты меня в Питере. Сидела бы сейчас в Москве, безвылазно. А ты тут. И письма... Тоскливо...

– Насчет права первенства можно поспорить, – отозвался Григорий Евсеевич. – А вот по поводу Москвы, пожалуй, права. Да, кстати, посмотри. – Член Реввоенсовета 7-й армии потянул со стола исписанный мелким, округлым почерком лист бумаги, сунул его в руки строптивой любовницы. – Текст обращения. Можешь почеркать. Или добавить.

Варвара Николаевна просмотрела текст.

«Всем Председателям коммун Северной области! Всем работникам Чрезвычайных Комиссий! Всем первичным партийным ячейкам! Всем! Всем! Всем! Враг проявил свою звериную сущность! Сегодня, 30 числа сего месяца, в 11 часов утра подло убит председатель ПетроЧК, член Петроградского реввоенсовета Урицкий Моисей Соломонович. Враг нанес тяжёлую рану на тело пролетарской революции! И этим он раскрыл себя и свои подлые замыслы! Дело революции теперь, как никогда, в опасности! От имени и по поручению Петроградского совета приказываю: немедленно привести все силы в боевую готовность. Чрезвычайным комиссиям во главе с председателями коммун организовать повальные обыски и аресты среди буржуазии, офицерства, чиновничества и студенчества! Также подвергать обыску и аресту всех подозрительных буржуа, будь то англичан или французов...»

– Ну как? – поинтересовался председатель Петросовета.

– Я бы написала более жестко и эмоционально. Впрочем, сойдет. А вот что делать с иностранцами, ума не приложу. Наших-то, понятно, под гребенку – и к стенке. А с теми будет столько возни...

– Справимся. Главное – показать силу. Кстати, Феликс уже выехал или только собирается?

– Понятия не имею. – Яковлева игриво прищелкнула язычком. – А ты что, уже начал ревновать?

* * *

Глеб Иванович⁶ еще раз просмотрел показания чекистов и охраны, задержавших убийцу товарища Урицкого, выслушал Озеровского, после чего попросил Аристарха Викентьевича на несколько минут покинуть кабинет. Едва за следователем закрылась дверь, Бокий указал Доронину на стул, сам же расположился на краю крепкого дубового стола.

– А теперь, Демьян Федорович, как на духу: доверяешь Озеровскому?

– Как на духу? – Доронин откинулся на спинку стула, с силой потер лоб шершавой от мозолей ладонью правой руки. – Не знаю. То, что полностью не верю, – точно. Вернись старая власть, перебежит. Но и сказать, будто враг, не могу. Дело знает. За два месяца, что Озеровский при мне, раскрыто двадцать четыре преступления, в том числе семь убийств. Опять же с миром уголовников хорошо знаком, знает все их повадки. Потому-то столько дел и раскрыли. Помните, без него самое большее тянули три-четыре в месяц. А сейчас совсем другое дело. Помогает, врать не стану. Да и против нашей власти ничего не говорит. Вроде как это... Лоялен. А так... А что, Глеб Иванович, причины имеются?

– Вот причина. – Бокий постучал указательным пальцем по листам протоколов допросов. – Не нравится мне все это. Крайне не нравится. Со слов Озеровского, невольно складывается картина, будто чекисты, арестовавшие Канегиссера, сделали все для того, чтобы убийца

⁶ Бокий Глеб Иванович – член РСДРП с 1900 года. Неоднократно подвергался царским режимом арестам за революционную деятельность. Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания. Во время переговоров в Бресте был противником подписания мирного договора с Германией. С марта 1918 года – заместитель председателя ПетроЧК Союза коммун Северной области.

сбежал. Чуешь? По-другому я никак не могу расценить выводы старика. И тут, – Глеб Иванович вторично постучал пальцем по бумагам, – все «плавает». Одни показания не совпадают с другими. Вот и разбери, кто врет? Чекисты? Жильцы? Убийца? Или следователи подшаманили протоколы? Начнем с чекистов и следователей – люди проверенные. Прошли, что называется, огонь и воду. А вот вся остальная братия... Друг друга стоят. Хотя, с другой стороны, зачем врать жильцам? Канегиссеру – понятно, а им? Ты видишь смысл?

– Не знаю. – Доронин смущенно пожал широкими плечами.

– Вот и я не знаю. Кстати, слышал, в Питер едет Дзержинский? А, уже сообщили... Тогда сам должен понимать, до приезда Феликса Эдмундовича нужно разбиться в лепешку, но разобьешься во всем. – Рука чекиста легла на сильное плечо матроса. – И разбиваться придется тебе, Доронин. Больше некому. Мало того, разбиваться будешь вместе с Озеровским.

Пальцы матроса коснулись верхней губы, на которой некогда росли усы. Опустились к уголку рта. Проверили наличие щетины на подбородке.

– Может, кого другого дадите? – неуверенно отозвался Демьян Федорович. – Николаева или Ажгирея. Как они в июне сработали по фальшивомонетчикам. Красота! Сами их хвалили. Или взять Мазаева – раскрыл дело испанского консула... Как его...

– Штурца, – напомнил Бокий.

– Точно!

– Это все не то, Доронин. Не то! Здесь не ювелира грохнули. Контрреволюцией пахнет!

– Так я о чем толкую! – встрепенулся матрос. – Пусть занимается грабежами.

– С одной стороны, ты прав. Но с другой – Озеровский уже в деле. Поздно уводить: вызовет лишние подозрения. А вдруг старик прав, и наши чекисты действительно скурвились? Молчишь?

– Не хотелось бы в это верить.

– Мне тоже. Только человек – существо слабое. А время сейчас голодное. Так что хошь не хошь, Демьян Федорович, терпи. А теперь, товарищ Доронин, давай-ка вспомним еще разок, что нам известно? С самого начала.

– Опять? – Доронин почесал кончик носа. – Глеб Иванович, и так ведь ясно. как день: товарища Урицкого застрелил студент. Он же сам признался. Чего копать, рыть? Не понимаю.

– А если подозрения Озеровского небеспочвенны и Канегиссер действительно не один задумал преступление? – аргументировал Бокий. – Что, если это не месть, а заговор, и убийца покрывает сообщников? Молчишь? То-то, Демьян Федорович. Прав старик: неспроста убийца ринулся на Миллионную. Заметь: взял напрокат велосипед. Значит, все-таки думал о путях спасения. Итак, что сообщили Фролов со Шматко? Что поведала охрана? И что узнал Озеровский от жильцов?

Доронин тяжело вздохнул, принялся говорить. Из его рассказа вытекало следующее.

Моисей Соломонович Урицкий прибыл на Дворцовую площадь как обычно, на автомобиле. Вошел в здание комиссариата. Один. Фролов и Шматко остались ожидать председателя ЧК в автомобиле. По словам чекистов, долго находиться в комиссариате тот не собирался, торопился в Смольный. Впрочем, планы могли и поменяться. Имелась у покойного такая привычка: сообщать о своих передвижениях непосредственно перед отъездом. К этому все привыкли. Фролов и Шматко в момент совершения преступления сидели на заднем сиденье. Услышали выстрел. Тут же выбрались из авто, кинулись к дверям.

– Водитель побежал вместе с ними или остался в авто? – задал вопрос Бокий.

– Не знаю, – стушевался Доронин.

– Проверь. Дальше.

Чекисты вбежали в фойе, увидели лежащее на полу тело Моисея Соломоновича, бросились к нему. Пуля попала в голову, поэтому Урицкий вскоре скончался у них на руках. К тому времени тело Моисея Соломоновича окружили другие сотрудники комиссариата, сбежавшие

еся на звук выстрела со всех сторон, в том числе и с верхнего этажа. Старик швейцар, что обслуживал лифт, закричал, что убийца выбежал из фойе. Описал того. Фролов и Шматко, а также двое чекистов из охраны комиссариата, Сингайло и Андрушкевич, тут же сев в автомобиль, кинулись вслед за убийцей.

– Сколько времени мальчишка пробыл в приемной комиссариата? – неожиданно задал новый вопрос Бокий.

Доронин качнул головой.

– Около часа.

– Около не устраивает. Это тоже выясни. – Глеб Иванович спрыгнул со стола на пол, принялся мерить кабинет широкими, упругими шагами. – Также узнай, почему охрана не стояла у входа в здание?

– Это я проверил первым делом, – отозвался Демьян Федорович. – В тот час Сингайло и Андрушкевич, караул комиссариата, переносили мебель из 12-го в 17-й кабинет. Два шкафа и стол. Дубовый стол, тяжелый, – зачем-то уточнил Доронин.

– Тогда, матрос, любопытная петрушка получается. – Бокий встал напротив Доронина, опершись о столешницу руками. – Охраны у входа, как ты утверждаешь, не было. А велосипед, на котором приехал убийца, не сперли! Как так? Или у нас что, уже настал коммунизм? У каждого есть по велосипеду?

Доронин поперхнулся воздухом. А ведь Глеб Иванович прав! А вот он об этом не подумал. Действительно, странно. И причина, что велосипед оставили у входа в государственное учреждение, уважительной не была. На Гороховой, где расположилось помещение ПетроЧК, рядом с грозным учреждением, за последний месяц было совершено пять ограблений и одно убийство. Так что стащить столь привлекательный, редкостный и дорогой предмет, как велосипед, особого труда не составляло. Однако не стащили.

– А может, студент за ним следил из окна? – сделал предположение Доронин.

– Поедешь в комиссариат, пообщаешься со стариком швейцаром. Выясни, где стоял Канегиссер, далеко ли от окна? Можно ли с того места увидеть, что происходит на улице? Теперь давай попробуем совместить показания чекистов со словами жильцов. По словам Фролова и Шматко, убийца сделал попытку скрыться среди домов на Миллионной улице. Однако, осознав, что ему это сделать не удастся, так как авто с чекистами его догоняло, бросил велосипед, вбежал в подъезд дома номер 17, после чего бегом поднялся по лестнице на последний этаж...

– Про последний этаж – это слова жильцов дома, – заметил Доронин.

– Верно. Чекисты остались на некоторое время внизу. После чего вошли в подъезд, и...

– Точно! – резко кивнул головой матрос. – Сразу в дом не сунулись. И вот тут начинаются эти... как же их... Вспомнил, несовпадения, – выдохнул Доронин, – Фролов говорит, будто студента задержали на чердаке. Озеровский же, со слов жильцов, говорит, что мальчишку схватили на последнем этаже. На лестнице. Впрочем, разницы особой нет. Все одно, наверху. Может, перепутали, бывает. Дальше. Выстрелы. Студент на допросе говорил, будто стреляли в него. А вот Фролов глаголет, что стрелял вверх. Предупреждал, мол, – Доронин вскинул взгляд на Бокия, – а для чего предупреждать? Как по мне, то жаль, что Канегиссера сразу не убили на месте.

– И кого бы мы тогда допрашивали? Нет, что ни говори, Шматко и Фролов – молодцы. Взяли живым преступника.

– Так и я говорю: молодцы! Это же свои хлопцы! – тут же поменял мнение Доронин, что вызвало у Бокия вздох огорчения.

– Вот то-то и оно, что все свои. И чекисты свои, и караул свой. А в протоколе сплошь белые пятна. Зови Озеровского! Выслушаем его полную версию.

– Шас, кликну. Только тут еще одно дело... – проговорил Демьян Федорович, приподнимаясь со стула. – Не стал я при Озеровском, но... Словом, Николаевна узды решила полностью в свои руки взять.

– Какая Николаевна? Какие узды? Ты о чем, Доронин?

– Да Варвара Николаевна. Яковлева. – Матрос, не зная, как лучше передать информацию, приподнял руки и показал на себе объем женской груди. – Наша... Эта... Сказала, мол, так как Моисей Соломонович убит, теперь ЧК будет под ней...

Доронин глянул на Бокия и обомлел. Лицо чекиста вмиг посерело, приняло землистый оттенок, желваки на угловатых скулах заиграли, руки сжались в кулаки.

– Вы что, не знали? – удивился матрос. – Вся ЧК гудит.

– Вся ЧК, говоришь? А мне никто ни гу-гу? Выходит, я уже не ЧК? – желваки на скулах Бокия заиграли сильнее. – Дальше что? Не молчи!

– Яковлева приказала по Канегиссеру, по убийце... – Доронин чувствовал себя не в своей тарелке. – Словом, чтобы мы закрывали лавочку. Сказала, раз убийца признался, нечего, мол, дальше рыть.

– Прямо, как ты только что говорил. Или ты тоже на ее стороне?

– Глеб Иванович...

– Ладно, ладно... – Глаза Бокия превратились в щелочки, сильно напоминающие смотровые щели броневика. – Разберемся.

– И еще... – Демьян Федорович то ли от смущения, то ли от волнения не смог сразу и точно сформулировать фразу. – Варька запретила допрашивать студента.

– Когда запретила?

– Да вот, перед вами.

– Так... Только этого нам не хватало.

– Точно, – облегченно выдохнул Доронин (матроса порадовало слово «нам») и добавил: – Глеб Иванович, я так скажу. Конечно, понимаю – революция. Равноправие. Мужики, так сказать, и эти... Как их... Женщины. Все правильно. Согласен. В целом. Только предупреждаю: я под бабой, в кильватере, ходить не стану. Лучше сразу списывайте с посуды. Или куда в другое место ссылайте. Где видано, чтобы девка матросом командовала?

– Не матросом, а чекистом! – резко оборвал пылкую речь Доронина Бокий.

– Все одно...

– Ладно, разберемся. – Глеб Иванович сунул руки в карманы брюк, резким движением тела развернулся к окну.

«Ты погляди, как шельма все скоренько закрутила! Нужно телеграфировать Феликсу. Срочно! – подумал Глеб Иванович и тут же мысленно выругался. – Куда телеграфировать? Дзержинский сегодня покинул Москву. Нет, следует самому что-то придумывать». Глеб Иванович хотел приказать Доронину, чтобы тот впустил Озеровского, но новая мысль ошарашила чекиста. «А что, если Варьку сам Дзержинский назначил председателем Петроградской ЧК? Ведь не случайно же он лично прислал ее в Питер месяц назад. Это для Доронина и иже с ним бытует версия, будто Яковлева прибыла в связи с “делом послов”. На самом деле все намного любопытнее. Именно после ее приезда Моисей Урицкий, косноязычный, близорукий, вечно нервный и даже, как ни странно, стыдливый человечиска, был вынужден поменять отношение к выполнению своих обязанностей, как руководителя ПетроЧК. Сколько раз до ее приезда давили на Моисея, чтобы тот ввел массовые репрессии после убийства Володарского? Считай, с месяц. Ан нет, как мог, сопротивлялся. С приездом же Вареньки не прошло и нескольких дней, как 19 августа Моисей Соломонович подписал первый “расстрельный указ”. 21 человека, как с куста, под стеночку. За шпионаж, саботаж, взяточничество, контрреволюционную агитацию... А причиной стала пышногрудая Варька. Ее постоянные телефонные звонки в Смольный и телеграммы в Москву. С приездом в Питер Яковлевой Кремль знал обо всем,

что творилось в Северной столице. Обо всех крупных и мелких делах. Заслали казачка в юбку. И ох как вовремя заслали...»

- Так что делать? – оторвал Бокия от размышлений матрос. – Звать?
- Кого? – сразу не сообразил Глеб Иванович.
- Сатрапа нашего. Ну этого, Озеровского.
- Зови.

Когда Аристарх Викентьевич вновь вошел в кабинет, Бокий расположился на стуле Доронина, тем самым показав, что в сих апартаментах главный он.

– Аристарх Викентьевич, я так понимаю, у вас имеется некоторая информация. Вы не против с ней поделиться?

Рука чекиста указала на стул напротив. Озеровский присел.

- Признаться, не столько информация, сколько размышления.
- Пусть будет так. И...

Следователь сделал паузу, после чего произнес:

- Я могу говорить открыто?
- Именно этого я от вас и хочу.
- Но многое из того, что скажу, может вам не понравиться.
- Не беспокойтесь. Со своими эмоциями я как-нибудь справлюсь. Да и товарищ Доронин тоже. Итак?

Следователь по старой привычке провел рукой по пуговицам жилетки, как бы проверяя их на наличие, после чего, решившись, начал говорить.

– Что ж... Первое. Господин Канегиссер, по моим соображениям, вел себя неадекватно. Полностью. Что дает основания считать, что он либо душевно больной человек, либо... – Аристарх Викентьевич сделал паузу, – либо у него есть покровители в ЧК.

– Что? – Доронин вытянулся в струну. И если бы не хлопок ладони руки Бокия по столу, неизвестно, что бы произошло далее.

Глеб Иванович внимательно, цепко рассматривал старика. Да, таких прямых слов даже он не ожидал услышать из уст данного тщедушного субъекта, не то что Доронин.

– Мы вас внимательно слушаем. Продолжите мысль, пожалуйста.

– Извольте. Факты и только факты. Начнем с простого. Гражданин Канегиссер совершает убийство в людном месте, при наличии огромного скопления свидетелей. И на глазах личной охраны господина... Простите, товарища Урицкого. Причина? Я имею в виду не личные мотивы. Они имеют к делу отношение, но не сейчас. Я говорю о месте совершения преступления. Почему именно в данном месте Канегиссер решил исполнить свой план? Ведь господин студент мог убить Моисея Соломоновича при других, более располагающих к уходу с места преступления, обстоятельствах. К примеру, на улице. В переулке. В подъезде. Вечером. Утром. Где угодно. Когда угодно. Без свидетелей. С глазу на глаз с жертвой. Однако убийца совершает преступление в самом людном, в самом небезопасном для задуманного плана месте, какое только можно себе представить. При этом молодой человек абсолютно не заботится о путях отхода. Точнее, заботится, но как-то странно. Я уже говорил Демьяну Федоровичу...

– О Невском? – перебил Бокий. – Знаю.

– Что ж, в таком случае повторяться не стану. Только то, о чем я вам сейчас говорю, господа, аксиома! Простите, но мне в моей долгой следственной практике с подобного рода бесптолковостью до сего случая довелось столкнуться только один раз. Тогда преступник, кстати, оказался душевнобольным. Второе. Скажите, сколько нужно времени, чтобы пересечь пешком Дворцовую площадь в направлении Миллионной? Можете не говорить. Минуты три, от силы пять. А на велосипеде?

Озеровский взглянул на Доронина, тот пожал плечами:

- Я такой штуковиной отродясь не пользовался.

– Минута, – предположил Бокий, – самое большое полторы.

– Именно. – Аристарх Викентьевич повернул голову в сторону начальства. – А теперь считайте. Фролов и Шматко вбежали в помещение сразу после выстрела. Наверняка они в дверях едва не столкнулись с убийцей. Следите за моей логикой. И Фролов, и Шматко – люди военные, опытные, звук выстрела распознали сразу. Потому-то и бросились в здание комиссариата. Однако не обратили никакого внимания на личность, что покидала помещение. Как по мне, сие странно. Далее. По их показаниям, они первыми, не считая швейцара и просителей, обнаружили тело товарища Урицкого. По словам Шматко, Моисей Соломонович скончался у них на руках. Потом бездыханное тело передали другим чекистам. Минимум минута! Акцентирую внимание на слове минимум. – Доронин поморщился, опять непонятное словечко, но промолчал. – Хотя, думаю, прошло минуты две. Заметьте, Шматко и Фролов дождались, пока другие сотрудники комиссариата не спустились с верхнего этажа. Далее чекисты кинулись к машине. За ними увязалась охрана комиссариата. Сели вчетвером. Завели двигатель. Еще минута! Проскочили Дворцовую площадь. Свернули в Машков переулок, оттуда сразу же направились на Миллионную. Сколько у них на все ушло времени в целом до этого момента?

Бокий вторично бросил взгляд на Доронина. Тот потер скуластый, крепкий подбородок.

– Минут... – вскоре послышался недовольный голос матроса. Он никак не мог воспринять слова Озеровского, – пять... Нет, четыре. Пять, если, конечно, пришлось заводить мотор.

– Именно. Берем показания Шматко. – Аристарх Викентьевич с разрешения Бокия взял со стола протоколы допросов чекистов. Глянул в них, нашел искомое. – «Мы выбежали на улицу, сели в авто, завели двигатель...»

Глеб Иванович тоже посмотрел в текст.

– Да, действительно, они заводили двигатель.

– А это с минуту, – тут же уточнил Доронин, – знаю я, как Пантелей заводит: раз двадцать ручку прокрутит. Техник из него еще тот.

– Итого пять минут, – тихо проговорил Озеровский, внимательно наблюдая за Бокием. – Отнимаем от них две, что понадобились убийце на исчезновение с Дворцовой площади. Остается чистых три минуты. Три! За такое время Канегиссер мог преспокойно исчезнуть в проходных дворах. Однако он, вне всякой логики, сломя голову несется по пустой Миллионной, никуда не сворачивая.

– Паника, – предположил Глеб Иванович.

– Сомнительно. На допросе преступник вел себя совершенно уравновешенно. Что, кстати, тоже само по себе странно.

– А если велосипед сломался? – высказал предположение матрос. – Все-таки какая-никакая техника.

– Но ведь до семнадцатого дома он доехал, – парировал Озеровский, – и потом... мне не дают покоя два вопроса. Первый: почему убийца оставил велосипед на улице? – Бокий с Дорониным переглянулись, одновременно вспомнив недавний разговор. – Ведь Канегиссер довольно серьезно рисковал тем, что мог после совершения убийства не обнаружить его. Тогда бы господина студента схватили на месте преступления. Однако Канегиссер рискует, оставляет единственное транспортное средство, которое может его спасти от преследования, без охраны, у входа в помещение. А потому возникает еще один неприятный вопрос: а что, если некто из тех, кто находился на площади, следил за тем, чтобы велосипед никто не тронул? – данное предположение Озеровский сделал робко, глядя исподлобья на Бокия.

– Кто мог следить? – отмахнулся матрос. – Да никто. Охраны-то у входа не было вплоть до убийства.

– Не совсем так, – после секундной паузы, отозвался Глеб Иванович. – А что делал твой знакомый Пантелей? И где были до убийства Шматко и Фролов?

– Точно, – Доронин потер рукой крепкую шею. Ну и денек... – сидели в машине. Неужели они? Того...

В кабинете повисла тишина. Никто не хотел первым ее прервать.

Ответ на непроизнесенный вопрос знали все присутствующие. Действительно, велосипед стоял рядом с авто ЧК вплоть до совершения преступления.

– Нет, не может быть, – с силой тряхнул головой Доронин, – нет, Глеб Иванович, не верю.

– И еще... – на этот раз после слов начальства более уверенно заговорил Аристарх Викентьевич. – Я не успел доложить, – Озеровский вернул протоколы на стол. – Обратите внимание. На задержанном во время ареста было надето пальто, которое он снял с вешалки в случайной, как он утверждает, квартире. – Следователь переплел пальцы рук, с силой сжал их. Раздался резкий, неприятный хруст. Глеб Иванович поморщился. – И тут снова сами собой напрашиваются вопросы. В какой квартире убийца оделся? Почему смог войти в данное помещение? Почему в наше тревожное время, когда, как нам с вами хорошо известно, в городе грабят и среди бела дня, двери той квартиры оказались открыты? Или их кто-то открыл? Почему, вместо того чтобы просто покинуть дом-ловушку через окно, а оттуда уйти по крыше, студент устраивает маскарад с переодеванием и выбегает на лестничную площадку, где его уже ждут? И, наконец, последний момент. Я был в парадном семнадцатого дома. Освещение в подъезде полностью отсутствует. Полумрак. Встает вопрос...

И тут Аристарх Викентьевич замолчал.

– Какой? – с некоторым раздражением нетерпеливо проговорил Доронин.

– Простой, Демьян Федорович, – вместо Озеровского отозвался Бокий. – И звучит он так: как могли товарищи чекисты в полумраке, с расстояния лестничного пролета, распознать в неизвестной им фигуре в пальто убийцу Урицкого, если учесть тот факт, что до сего времени они видели убийцу только со спины и в куртке? А после прозвучали выстрелы. Так, Аристарх Викентьевич?

– Совершенно верно, – кивнул головой Озеровский.

– Это что ж выходит? – Доронин посмотрел на старика, перевел взгляд на Бокия. – Фролов... Шматко? Да нет, Глеб Иванович, не может такого быть...

– Может или нет, узнаем позже, – тихо, но жестко ответил Бокий, – а с данной минуты любые соображения, которые появились или появятся по ходу расследования, должны оставаться только и исключительно в нашем узком кругу. Всем все понятно?

– А как же... – Матрос хотел было напомнить про распоряжение Яковлевой, однако Глеб Иванович его вопрос предупредил:

– Никак. Вы получали письменный приказ о закрытии дела? Нет? По-моему, все ясно как божий день. Теперь слушайте внимательно. Далее действовать будем следующим образом. Канегиссер находится в камере, общение с ним запрещено. – Глеб Иванович никак не отреагировал на удивленное вскидывание бровей старого следователя. – Но вывести у него, что стало истинной причиной покушения и были ли у него сообщники, просто необходимо. Этим займусь лично я. Теперь, Аристарх Викентьевич, хочу, чтобы вы сегодня соприсутствовали на допросе членов семьи Канегиссера.

Озеровский облизнул пересохшие губы.

– Простите, Глеб Иванович, но, как мне кажется, я не имею права далее принимать участие в ходе расследования. Если позволите, поясню. Я всегда занимался только уголовным сыском. Простите, «блатными». И когда пришел на службу к новой власти, то есть к вам, мне сразу поставили условие, которое для меня понятно и приемлемо: что я и впредь буду заниматься исключительно уголовными преступлениями. Однако здесь явная политическая составная. Не берусь судить, какова она, но сие дело не для меня. Однозначно.

– Поздно, Аристарх Викентьевич. К сожалению, – Бокий говорил тихо, внятно, четко, – вы уже в деле. И прекрасно об этом знаете. Мы только что о вас говорили с товарищем Дорони-

ным и пришли к единому мнению. Выводить вас из расследования после того, с чем вы ознакомились, нет никакого смысла. Признаюсь, мне неприятно осознавать, что человек, который долгое время стоял по ту сторону баррикад, будет копать, простите за грубость, в нашем грязном белье. Но такова жизнь. Мы тоже люди. Большевики, революционеры, чекисты – люди. Такие, как все. Две руки, две ноги, голова... И в нашей среде имеется всякая тварь, которая мечтает только о собственной наживе. Имеются подонки, временно примкнувшие к чистому, светлому делу революции. Не сомневаюсь, имеются среди нас и враги, затесавшиеся в наши ряды с целью подорвать дело революции изнутри. Не исключаю, что кое-кто из них смог проникнуть как в руководство Петросовета, так и в ПетроЧК. Да-да, и к нам. Вот их-то и следует выявить! И как можно скорее! – Кулак Бокия с силой опустил на столешницу. – И наказать от имени народа! Если кто из чекистов имел отношение к убийству товарища Урицкого, должен быть осужден. И расстрелян! А посему, Аристарх Викентьевич, повторюсь: не вижу смысла выводить вас из хода расследования. Мало того, приказываю именно вам присутствовать при допросе родных убийцы. Всей семьи. Меня интересует все! Партийная принадлежность, круг знакомств, интересы. Чем занимался убийца в последнее время? О чем говорил? Кого приводил в родительский дом? Чем интересовался? О чем вел беседы? Словом, все, что смогло бы пролить свет на причины покушения на товарища Урицкого. И второе, Аристарх Викентьевич. Вы человек опытный. Наблюдательный. А потому, исходя из вышесказанного, попрошу вас о следующем. Проследите за тем, как поведут себя наши чекисты во время допроса. Особенно меня интересует товарищ Геллер. Если не ошибаюсь, именно он помогал в первом и единственном допросе Канегиссера коменданту Шатову? Вот на него и обратите пристальное внимание. Вопросы имеются?

Озеровский привстал, нервно поелозил пальцами правой руки по лацкану поношенного сюртука, пытаясь снять невидимую пылинку.

– Простите, Глеб Иванович, даже несмотря на ваше доверие, я не смогу выполнить приказ.

– Лично знакомы с Канегиссерами? – догадался Бокий.

– С главой семейства. Дважды посещал их дом. До революции, – тут же поспешно уточнил Аристарх Викентьевич, – когда расследовал дело о самоубийстве старшего сына, Сергея. Год тому...

Озеровский солгал. С Канегиссерами Аристарх Викентьевич познакомился задолго до Февральской революции. Но тогда бы пришлось вдаваться в некоторые подробности, о которых следователь сегодня предпочел бы умолчать. Слава богу, чекист не заметил лжи.

– Понимаю. Мало того, сочувствую. Однако ничем помочь не могу. Вот ежели бы вы были родственником – другое дело. А так? Не вижу причин для самоотвода.

И без того слабые плечи Озеровского опустились еще более.

– А может, я рвану к Сеньке? – вставил реплику Доронин, которому стало жаль старика. – У меня глаз на контру наметан. Тряхну хорошенько. Никуда не денутся. Расколются!

– Нет, Демьян Федорович. Тут следует действовать тактично. Аккуратно. Нахрапом ничего не добьемся. К тому же, как понимаю, по распоряжению Варвары Николаевны основными следователями по убийству товарища Урицкого будет назначена группа Геллера. А мы со своей самодеятельностью станем у них, словно бельмо в глазу. Так что здесь шапкозакидательство не пройдет. Если я не ошибаюсь, убийца – сын знаменитого инженера Канегиссера? Так? – Бокий повернулся в сторону Аристарха Викентьевича.

– Совершенно верно, – негромко отозвался следователь, – Иоакима Самуиловича Канегиссера.

– Вот, – продолжил мысль Бокий, – человека известного в Петербурге. И не только в Питере. Вам, Аристарх Викентьевич, как говорится, и карты в руки. Если Геллер начнет подминать Канегиссеров под себя, это может привести к нежелательным последствиям. Пусть

формально, но законность должна быть соблюдена. А потому ваша задача: ни во что не вмешиваясь, смотреть. Наблюдать. И если почувствуете, будто Геллер начинает «гнуть» семью инженера в определенном направлении, тут же сообщите мне.

Озеровский вынужден был утвердительно кивнуть головой в знак согласия. В данной ситуации Бокий действительно оказался прав. Доронин, в силу своего непрофессионализма, с данной задачей не справился бы.

О Семене Геллере⁷, как сам Сенька утверждал, анархисте в прошлом, а теперь убежденном большевике, в ПетроЧК бродили разного рода слухи, в большинстве негативные. В чем только Семена не подозревали, начиная с «прикармливая» вещественных доказательств, заканчивая «странными» связями с барышнями легкого поведения. Однако доказать многочисленные слухи до сих пор так никому и не удалось. А потому Сенька Геллер продолжал вести себя уверенно и нагло. Впрочем, так он вел себя только в жизни. В профессиональной же деятельности Семен Геллер работал из рук вон плохо. Даже Аристарх Викентьевич, человек, которого старались держать подальше от руководства аппаратом ПетроЧК, и тот, наблюдая процесс со стороны, отмечал, насколько слабо, халатно и поверхностно «товарищ Геллер» относился к своим обязанностям. Дела, особенно уголовные, вел спустя рукава. Доказательства вины не искал, а чаще выбивал из подозреваемых. Причем занимался рукоприкладством без всякой веской причины, чтобы размяться. На службу частенько являлся в нетрезвом виде, хотя в Питере для того, чтобы найти спиртное, нужно было приложить невероятные усилия: новой властью изымались все запасы спирта на нужды фронта и революции, а потому торговцы алкогольными напитками приравнялись не к спекулянтам, а к контрреволюции. Но в одном нельзя было отказать чекисту Геллеру: больно тот любил присутствовать при обыске помещений задержанных и арестованных. Сенька прямо рвался на обыски всевозможных квартир и особняков. Тут ему в рвении и старании равных не было. «Доверить такому человеку расследование убийства одного из самых важных лиц новой власти, – как думал Аристарх Викентьевич, – было по меньшей мере странно».

– К тому же... – Слова Бокия оторвали Озеровского от размышлений. Глеб Иванович на сей раз обратился к Доронину: – У тебя, Демьян Федорович, и без того имеется одно срочное дело. Какой срок тебе установила Яковлева? Я имею в виду полковника. – Чекист усмехнулся. – Ладно, ладно, шучу. Но она права в одном: с Белым следует заканчивать. Либо так, либо эдак. Засиделся он у нас. Так что давай к нему. И без глупостей. Помни, полковник сдался сам, не оказывая сопротивления. Судя по всему, сломался. Семьи лишился. Один как перст. А посему терять ему нечего. Так что любое давление с нашей стороны ни к чему не приведет. Постарайся вести разговор спокойно, без нажима. Глядишь, повезет. Сможешь переломить на нашу сторону – молодец. Не сможешь – пиши бумагу на расстрел. Нечего народные харчи переводить. Ну что, товарищи, расходимся, – Глеб Иванович окинул взглядом маленькую следственную группу. – Встретимся сегодня, в семь вечера. Желаю успеха!

* * *

Хруст от ключа в замочной скважине вывел Олега Владимировича из полусонного забытья. Арестант с трудом присел. Тело крутило, будто некая таинственная сила пеленала его невидимыми бинтами и теперь с обеих сторон выкручивала их, словно мокрое белье.

⁷ Чекиста С. Геллера вместе с тремя «подельниками» однопартийцы расстреляют в январе 1920 года за «...использование служебного положения для хищения ценностей, конфискованных ЧК у арестованных. И за покровительство преступным элементам».

«Интересно, зачем пришли? – Мысли в голове еле-еле ворочались, не желая просыпаться. – Обед был. Может, воды принесли. Умыться, что ли... Нет, холодно. Знобит? Простыл?»

Дверь распахнулась.

– Добрый день.

Олег Владимирович приподнял голову. «А, матрос-чекист». Взгляд потух. Голова вновь опустилась. «Ну, – сам себе проговорил полковник, – наконец-то. Вот Боженька просьбу мою и исполнил».

Доронин прошел внутрь камеры, присел на прикрученный к полу табурет. Аккуратно положил на стол листы бумаги, два карандаша.

– Как себя чувствуете, гражданин?

Белый принялся охлопывать себя по карманам, будто мог там что-то хранить.

– Простите, запямятовал, как вас зовут.

– Демьян Федорович мы. Доронины. Вспомнили?

– Да, да, точно... – Олег Владимирович с болью проглотил набежавшую слюну. – Ну что ж, Демьян Федорович, я готов.

– К чему? – В голосе матроса прозвучало удивление.

– Как к чему? А для чего вы пришли?

– А-а... – догадался чекист. – Вы об этом... Нет, я пришел не за тем.

Белый поморщился: боль в горле стала нестерпимой.

– Жаль. Напрасно тяните время. Хотя, спасибо, что нашли время зайти. А то, признаться, начал волноваться, что обо мне забыли.

– Да нет, гражданин Белый. Помнят о вас. Помнят.

– Странно. – На лице Олега Владимировича проявилось нечто похожее на улыбку. – Вы так произносите слово «гражданин», будто оно несет в себе негативный оттенок.

– Не знаю, что оно там в себе несет, – нахмурился Доронин, – но слово верное. Правильное. Вот ежели бы вы были на нашей стороне, я бы вас тоже называл товарищем. А так, гражданин и есть.

– Да Бог с ним, со словом. – Белый потянул на костлявые плечи шинель. – Пришли насчет денег? Или так, поболтать?

– Не то время, чтобы ляды точить, – огрызнулся матрос и тут же прикусил язык, вспомнив приказ Бокия вести себя тактично с этим... гражданином, – но вы правы. Ходить вокруг да около не стану. Нам действительно нужно знать, куда вы перевели деньги Губельмана.

– Господин банкир смог доказать свою нужность товарищам большевикам, – в бесцветном голосе Белого не слышалось никаких эмоций. Только пустота. – Собственно, удивляться нечему. Особенно если вспомнить Савву Морозова. Странно и дико: вкладывать деньги в то, что потом убивает тебя и твой род. Собственными руками выращивать чудовище, которое тебя же и сожрет. Нет, уроки Франции нам на пользу не пошли. Впрочем, сие есть закономерность: учиться на собственных ошибках. Простите, гражданин следовательно, отвлекся. Вы дали мне пищу для некоторых размышлений. А вот где деньги – не знаю. И, помнится, я вам об этом уже говорил.

– Да, говорили, – кивнул головой матрос, – но мне что-то с трудом в ваши слова верится. – Чекист протянул руку, придвинул к себе пустую миску. – А вы знаете, что в городе голод? Пацанва мелкая едва ноги передвигает. Смотреть больно! А вы... Да за те деньги можно столько хлеба купить...

– Ну, во-первых, сейчас не так голодно, как по весне, – неохотно парировал арестант. – Я ведь помню, какую еду приносили в мае. А теперь в рационе селедка появилась. А, во-вторых, гражданин следовательно, неужели вы действительно верите в то, что на эти деньги купят хлеб? – Олег Владимирович сильнее вжался в стенку. Озноб все сильнее и сильнее охватывал тело. –

Лично я уверен в обратном, в том, что на них никто и ничего не купит. Ни сегодня. И ни завтра. Не тот человек господин Губельман, чтобы деньги пускать на ветер. Для него хлеб отданный, а не проданный голодающим – и есть тот ветер.

– А Губельман их и не получит, – убежденно прогудел Доронин. – Банки-то национализированы. Так что деньги теперь народные. Общие!

– Общих денег, гражданин матрос, не бывает. Деньги – такая субстанция, у которой непременно должен быть хозяин, распорядитель. Иначе они не выполняют свою функцию. – Матрос поморщился: еще один умник. Мало того что Озеровский бросается такими непонятными словами, что после голова раскалывается, так теперь и этот принялся издеваться. Белый заметил реакцию собеседника, однако решил его не жалеть. – Запомните, гражданин чекист, финансами, как непереносимое условие, кто-то должен распоряжаться. Один человек, несколько – без разницы. Но у этих лиц обязательно должны быть фамилия, имя и должность. И, естественно, ответственность. Кому давать? Сколько? Под какой процент? И вот тут мы с вами снова выходим на фигуру товарища Губельмана. – Слово «товарища» полковник специально выделил интонацией. – Человека с опытом банкира. Или у вас имеются в наличии другие подготовленные специалисты, из числа солдат, крестьян, матросов, получивших соответствующее образование и опыт? А может, они этот опыт получили на фронте, в поле, на корабле? Вот то-то и оно! А господину Губельману сейчас только и нужно, что вернуть ворованные миллионы, прокрутить их, пользуясь вашей, мягко говоря, безграмотностью, после чего снова перевести их, только уже с процентами, в Швейцарию или Британию, но только на этот раз на свои личные счета. А потом... А потом товарищ Губельман пошлет всех вас к е...й материи и уедет утренним поездом за границу. Поверьте, с такими деньжищами он там не пропадет. И вот как раз именно этого я не могу и не хочу допустить. По мне, Демьян Федорович, пусть товарищ Яков Исаакович гуляет с голым задом по Руси, чем греет свое пузо на берегу Атлантики. Он того заслужил.

Доронин невольно склонил голову, спрятав улыбку: матрос вдруг ярко представил себе толстого голозадого товарища Губельмана, стоящего в ромашковом поле на берегу родимой Волги. Впрочем, чекист тут же встрепенулся.

– А как дети? А голодные питерцы? Или тоже пусть гуляют? – Чекист примолк, что-то обдумывая, после чего вскинул на арестанта пронзительный взгляд. – А может, вы, гражданин Белый, мечтаете каким-то образом выбраться от нас? Тоже махнуть за границу, шиковать там на народные деньги? А? Что отворачиваешься, ваше благородие? – Голос матроса окреп. – Я вас, контру, насквозь вижу! Только ни хрена у тебя, полковник, не выйдет!

Олег Владимирович отвернулся от грозящего в лицо кукиша, закрыл глаза: озноб все больше и больше охватывал тело. Хотелось принять горизонтальное положение, но при молодом чекисте показать свою слабость тоже не желалось. Приходилось терпеть.

А Доронин, восприняв поведение арестанта по-своему, тут же убрал руку за спину, мысленно матюкнулся: не сдержался. Твою... Вот же, и на кой ему этот беляк? Неужели у Бокия не было никого другого, чтобы послать к этому гаду?

Демьян Федорович упал на привинченный к полу табурет, с минуту молчал. Молчал и Белый. Матросу не оставалось ничего другого, как надавить на себя, чтобы более спокойным голосом продолжить:

– Словом, так, гражданин. Не скажете, где деньги? Не говорите. Но и отсюда не выйдете. Подышайте с сознанием того, что у вас есть миллионы!

Демьян Федорович рывком поднялся, одним движением руки смахнул со стола листы бумаги.

– Не торопитесь, – едва слышно проговорил Белый, – пугать меня смертью не советую. Сам ее жду. Как спасение. А вот по поводу Губельмана... Присмотритесь к нему. Хорошенько присмотритесь. Он наверняка уже успел влезть в ваши структуры. Не знаю, как они теперь

называются. Может, остались, как при Керенском, комиссариатами. Суть не меняется. Раз вы заинтересовались миллионами, значит, Яков Исаакович кому-то из ваших, причем из тех, кто стоит наверху, о них доложил. И не в тюремной камере. А сие дает почву для размышлений.

– Товарищ Губельман, чтобы вы знали, помог Петросовету с доставкой продовольствия, – твердо отчеканил Демьян Федорович, – и если бы не он, то кто знает, сколько человек сейчас было бы при смерти.

– Вот даже как? – Полковник поморщился от обжигающей боли, на этот раз в области почек. Застудил или камни? Хрен редьки не слаще. – Шустро. Впрочем, такая активность всегда отличала Якова Исааковича. Активность в сочетании с напором. Кстати, гражданин следователь, а вам известно, на чем товарищ Губельман заработал те миллионы? Об этом вам не рассказывали? Могу просветить. Так, к примеру, летом тысяча девятьсот пятнадцатого года Яков Исаакович, в сотовариществе с банкиром Рубинштейном, поставили в Шестую армию залежалые на складах сапоги и обмундирование. Негодную одежонку, гнилую, которая расплзлась по швам после недели носки. Солдаты в окопах, под осенним ливнем, сидели фактически босые и голые. Всю ту рвань Губельман приобрел за копейки на Воронинских складах. А перепродал правительству гнилье как качественный товар. Спустя два месяца подобную аферу они провернули и с продовольствием. Мясо с душком. Пшено заплесневелое. И это только небольшой эпизод из сложной, многоходовой комбинации товарища Губельмана. – Белый не знал, почему он начал рассказывать незнакомому человеку некоторые подробности из того дела, которое он вел по приказу Батюшина, но останавливаться желания не возникало. – Нашу комиссию, «Комиссию генерала Батюшина⁸», создали именно по причине подобного рода махинаций. Губельман оказался не одинок в своем желании разворовать Россию. Кому война, кому мать родна... Таких, как Яков Исаакович, жаждущих быстро обогатиться, нашлись сотни, если не тысячи. Правда, миллионы из них смогли «наварить» единицы. Вот с ними, с теми единицами, мы и должны были разобраться. Однако все вышло иначе. Разобрались с нами. Кстати, хотите, сделаю предположение, через кого Губельман пытается вернуть себе миллионы? С кем из вашего руководства он, так сказать, навел мосты?

Демьян Федорович молча смотрел на собеседника. Прямо в глаза. В душе большевика боролись разносторонние чувства. Ненависть, любопытство, желание размазать арестованного по стенке и одновременно какое-то странное уважение к сидящему напротив седому старику. Точнее, к его спокойствию, способности анализировать и аргументировать, азы чего он, чекист Доронин, только учился постигать.

– Ну, рискните.

– Я так думаю, – продолжил Олег Владимирович, внимательно наблюдая за собеседником, – Яков Исаакович тесно сблизился с товарищем Апфельбаумом. Я прав? Именно он проявляет особый интерес к этому делу? – Белый не стал вдаваться в подробности того, что, по его данным, сия парочка была знакома еще до революции и еще задолго до Октябрьского переворота проделывала кое-какие любопытные финансовые операции. Пусть блаженные веруют...

– Я не знаю человека по фамилии Апфельбаум, – отозвался Доронин.

– И неудивительно. – Голос Олега Владимировича звучал спокойно, будто он беседовал на скучные темы с давно знакомым ему приятелем. – Апфельбаум – настоящая фамилия господина Зиновьева. Простите, товарища. Сия личность, надеюсь, вам известна?

Матрос опять промолчал. Предположение беляка попало в десятку. Потому как Доронину тут же вспомнилась полюбовница волосатого Зиновьева, Варька.

⁸ Батюшин Николай Степанович – полковник царской армии, один из основателей русской контрразведки. С мая 1916 по апрель 1917 года руководил оперативно-следственной комиссией («Комиссией Батюшина») по расследованию экономических преступлений Рубинштейна, Абрама Доброго, Израиля Бабушкина, Иовеля Гопнера и других, связанных с поставками в действующую российскую армию обмундирования, продуктов питания и так далее. После Февральской революции был арестован (8 апреля 1917 года) по распоряжению Временного правительства.

– Кстати, – тем временем продолжил мысль заключенный, – с этими фамилиями при вашей власти происходят удивительные вещи. У меня сложилось впечатление, будто некоторые ваши сопартийцы стыдятся своего родства. К примеру, известна ли вам подлинная фамилия начальника ЧК, товарища Урицкого?

Демьян Федорович непроизвольно вздрогнул: а что, если старик видит сквозь стены? Сейчас возьмет да и брякнет о том, что Моисея сегодня убили. И еще к тому же уточнит: кто, как и за что? Конечно, бред. Будущий «мертвяк» таких вещей знать не мог. Но чем черт не шутит... Вон ведь как про волосатого сказанул... И частица правды в его словах имелась. До Доронина и ранее доходили слухи, будто у руководителя СК СКСО иная фамилия, но чтобы так точно ее назвать... И где? В каземате!

– А вот Моисей Соломонович в молодости носил не менее благозвучную фамилию, нежели Урицкий. Радомысльский. Странно, и зачем было менять? Не иначе имелось в данном роду нечто такое, что могло помешать карьере товарища Урицкого и что заставило сына забыть отца. Да и не один он такой отказник. К примеру, господин Троцкий по младости именовался Бронштейном. А убиенный Володарский носил фамилию Когана... Кстати, чем закончилось расследование? – тут же поинтересовался Белый: – Убийцу нашли?

Доронин, не ожидавший вопроса, растерянно посмотрел на собеседника.

– Ищем, – буркнул спустя несколько секунд.

– Так я и предполагал. Надеюсь, Демьян Федорович, вы вняли моему совету, отошли от этого тухлого дела?

Чекист еле сдержал себя. От одного-то дела ушел, да второе прилипло, словно мокрый лист. И, судя по всему, еще более тухлое.

– Давайте, гражданин Белый, не будем уходить в сторону. Вы даете согласие на возвращение народных денег или нет?

– Возвращение куда и кому? Народу? Согласен. И безоговорочно. Губельману – нет.

– То есть... – У Доронина возникло жуткое желание врезать арестованному в морду. Черт бы побрал беляка с его логикой. – А если я дам слово, что деньги вернутся народу?

– Как? – В голосе Олега Владимировича звучало искреннее любопытство. – Каким образом, без участия Якова Исааковича, вы собираетесь использовать деньги в России? У вас есть определенный банк, который принадлежит вам, то есть советской власти? Кто руководит данным банком? На чье конкретно имя будут переводиться деньги? Вы можете ответить хотя бы на один из этих вопросов? Нет? Демьян Федорович, в таком случае наш диалог ведет в никуда.

Доронин сложил листы пополам, сунул в нагрудный карман гимнастерки.

– Напрасно вы так, гражданин Белый. Под пулей ходите.

– На большее и не рассчитываю. – Олег Владимирович с трудом приподнялся с топчана, встал напротив матроса. – Однако хочу уйти из жизни, с силой стукнув дверью. И ваш Губельман... да, да, теперь это уже ваш Губельман, и иже с ним не получают ни копейки! Так и передайте своим товарищам.

– Жаль, что мы не нашли общий язык.

– Отчего ж? С вами-то мы как раз его нашли. А вот с господами Апфельбаумом и Радомысльским мне разговаривать не о чем. Пусть ваш Урицкий присылает нового следователя. Мне бы не хотелось, чтобы силовые методы допроса ко мне применяли вы. Не знаю почему, но вы мне симпатичны.

Доронин усмехнулся.

– Было бы так, рассказали бы о миллионах. А вот с вашим желанием будет заминка, – матрос с секунду мешкал, но решился сообщить новость: – Убили товарища Урицкого. Сегодня утром. Так-то, гражданин полковник.

– То есть... – Олег Владимирович задумчиво скрестил руки на груди, – новое убийство? Любопытно. Хотя в этом нет ничего странного, если вспомнить итоги Французской револю-

ции. Однако... Демьян Федорович, а что, если я попрошу вас не торопиться и рассказать о происшедшем?

* * *

Глеб Иванович прошел в кабинет, подошел к окну, поднял с подоконника хрустальный графин, наполненный клюквенным морсом, налил в стакан, залпом выпил.

«Сука! – в который раз мысленно выматерился чекист. – Надо ж так... Чтобы меня, первого помощника председателя ЧК, и не пустили к арестованному! Да что ж творится? Чтoб какая-то б... крутила всем Питером!»

Стакан вторично наполнился, опорожнился.

Бокий решил нарушить распоряжение Яковлевой и увидаться с Канегиссером в камере. В том числе и для проверки слов Доронина. Однако все оказалось именно так, как сказал матрос. Глеба Ивановича до камеры сопровождали. Даже в смотровое окошко разрешили глянуть. Но на большее он получил твердый и решительный отказ охраны.

Рука непроизвольно потянулась к телефонному аппарату в желании назвать служащему коммутатора номер Яковлевой и обматерить ту с ног до головы. Но едва пальцы правой руки коснулись деревянной рукояти телефонной ручки, как Глеб Иванович замер от мысли, которая сегодня днем неоднократно его посещала.

«А что, если действительно на должность покойного Моисея Яковлеву назначил сам Феликс? Может такое быть?» И в который раз за день Глеб Иванович так и не смог дать ответ – ни положительный, ни отрицательный.

Да, судя по всему, Варвара была откомандирована Дзержинским в Северную столицу в качестве наблюдателя за Урицким. Слишком Моисей оказался слабохарактерен для руководителя ПетроЧК. К тому же и он, Бокий, потакал Урицкому. До приезда Варьки по Питеру и губернии кровь не текла рекой разливанной. Не имелось к тому повода. Даже смерть Володарского не сказала на гражданах города. Лишь с приездом Варвары Николаевны, под давлением в ее лице Москвы, Соломонович вынужден был согласиться с подписанием «расстрельных» приговоров. И не мокрушникам⁹-уголовникам, а идеологическим противникам. Ох, как не хотел он тогда этого делать... Бокий помнил, как тянул Моисей с подписанием постановления о ликвидации заговорщиков Михайловского артиллерийского училища. Оттягивал, сколько мог. Пока Варька не прижала: либо тот с большинством, либо продотряд. Соломонович, естественно, выбрал первое. Да, давить от имени партии девка умеет, чем и ценна. Но... Но у Варвары Николаевны имеется один минус, причем огромный, по причине которого Феликс вряд ли назначил бы Яковлеву возглавлять Чрезвычайную комиссию без согласия Ильича. Минус заключался в том, что Яковлева не поддержала позицию Ленина по поводу подписания мирного договора с Германией. То есть отошла в лагерь противников Ильича, к «левым большевикам», к Троцкому. А такой человек, который проигнорировал личное мнение Старика¹⁰ по ключевому вопросу, в дальнейшем терял его доверие. Такой человек, без доверия Ильича, не мог руководить Чрезвычайной комиссией столь крупного центра, как Петроград. Старик терпеть не мог оппонентов по главным вопросам. Бокий об этом знал не понаслышке. А «германский вопрос» полгода назад был не просто главным. От него зависела дальнейшая судьба революции. «Нет, лично, без согласия Ленина, Дзержинский на данный пост Яковлеву бы не поставил. А посему остается одно: ждать. Феликс выехал в Питер. Замечательно. Вот по его приезде и нужно будет все расставить по своим местам».

⁹ Мокрушник – убийца.

¹⁰ Старик – одна из подпольных кличек В.И. Ленина.

Дверь распахнулась. Без предупредительного стука. Так в кабинет Бокия мог войти только один человек. Точнее, одна.

Глеб Иванович спрятал улыбку: вот ведь, бестия, чувствует, что ли, что он о ней думал?

– Глеб, – с ходу волевым голосом проговорила Варвара Николаевна, без приглашения устраиваясь на стуле, – на Большой Московской, возле тринадцатого дома, наблюдается оживленность. Похоже, хотят взять кооператив комитета. Поезжай с людьми, разберись.

Бокий медленно расстегнул верхнюю пуговицу косоворотки, поднял руку, задумчиво провел рукой по жесткому ежику волос на голове.

– Кто сообщил?

– Позвонили. Охрана кооператива.

– Понятно. – Глеб Иванович подошел к столу, но садиться за него не стал: по привычке устроился на уголке столешницы. – Меня только что не пустили в камеру к Канегиссеру. Сказали, твой приказ.

– Мой, – спокойно подтвердила Яковлева. Женщина положила ногу на ногу, от чего красивое круглое колено теперь навязчиво мылило глаза чекиста. – Думаю, прежде чем основательно допрашивать мальчишку, следует дожидаться приезда Феликса. Чтобы он все услышал из первых уст. Один день однозначно ничего не решит. Ты не согласен?

– А кто тебе дал право отдавать подобные распоряжения? – с трудом, но сумел сохранить спокойствие в голосе Глеб Иванович.

– Партия, – на красивом лице Варвары Николаевны промелькнула легкая улыбка, – которая доверила мне данный пост.

– Данный пост занимал Урицкий, – напомнил Бокий, – а я у него был первым помощником. Так что по праву преемственности...

– Насколько мне помнится, революция отменила старорежимные правила. К тому же меня поддержит Москва.

– Но еще не поддержала, – уточнил Бокий, проверяя «зыбкость почвы».

– Все мое время, – ушла от ответа Яковлева. – Приедет Феликс – поддержит.

«Ну вот, – пронеслось в голове чекиста, – Варька уверена, что Феликс будет на ее стороне. Неужели Ильич дал “добро”? Нет, исключено. Старик терпеть не может, когда ему прекословят. А эта чума столько вылила на него грязи, что такое не забывают. Разве... Разве что Феликс встал на ее сторону? Неужели слухи были небеспочвенны? Самое отвратительное в том, что я ничего не могу сделать. Хотя... Почему? – тут же обожгла новая мысль. – Могу! Правда, только при одном условии. Если Феликс убедится в том, что эта бой-баба не в состоянии управлять такой мощной структурой, как Чрезвычайная комиссия. И я ей помогу. Жаль, конечно, что не получится сегодня встретиться с Канегиссером, дьявол... Столько вопросов к нему. Ну да ничего, подождем».

– Что замолчал, Глеб? – Женщине нравилось ее нынешнее главенствующее положение. Да и Бокий был ей не безразличен. Глеб в сравнении с Зиновьевым, выигрывал, и еще как. Невысокого роста, крепкий, мускулистый, с открытым умным лицом, которое короткая мальчишеская прическа только украшала. Не то что длинные, часто немытые патлы председателя Совета комиссаров. Колючий ершик Бокия возбуждал женщину. Даже сейчас ей жутко хотелось провести по нему ладошкой. – Или язык проглотил?

Варвара Николаевна встала, легким движением руки оправила подол платья.

– Не переживай. Придет время, и ты будешь при власти.

Напрасно, ох, напрасно она произнесла последние слова. Именно они еще более убедили Бокия в принятом решении.

Глеб Иванович качнул головой, после чего неожиданно для Варвары Николаевны резким движением вскинулся, обошел стол, сел на свой стул, выдвинул ящик из тумбы стола, вытянул из него несколько папок с бумагами.

– Извини, Варвара, у меня дел по горло.

– То есть? – Женщина оторопело уставилась на ворох документов. – Ты что, не собираешься ехать на Московскую?

– Нет, – спокойно отозвался Бокий, – насколько помнится, возглавлять операции по подавлению беспорядков, а в данном случае мы имеем именно такой факт, должен председатель ЧК. Лично! А так как я не председатель...

Глеб Иванович развел руками.

Яковлева нервно прикусила нижнюю губку. Она еще не поняла, какую западню ей устроил Глеб Иванович, но интуитивно чувствовала: что-то тут не так. А Бокий, решив ей помочь, продолжил мысль:

– И ответственность за подавление мятежей и беспорядков в городе несет непосредственно он, председатель. Так что, Варвара Николаевна, в данной ситуации могу помочь только одним: дать свой наган. Маузер будет великоват для тебя, а вот револьвер в самый раз.

Красивые глаза Варвары Николаевны оторопело уставились на подчиненного. Такого поворота она никак не ожидала. По ее мнению, достаточно было огласить приказ, как машина сама собой должна была заработать. Полностью. Только с ее корректировкой. А тут...

Яковлевой вдруг стало душно.

Капкан ей устроили отменный. Да уж, тут Бокий отыграл очень красиво. Даже Варька была вынуждена это признать.

Дело в том, что никаких инструкций по поводу того, кто, как и в каких ситуациях должен был действовать, в природе новой республики пока не существовало. Демократия. Революционный порыв. Практически анархия. Поэтому на усмирение всяческих беспорядков выезжали в основном те, кто сам любил побузить и почесать кулаки. Для них это было своеобразным выпуском пара. Руководить подобной публикой мог только авторитетный человек. И, естественно, никак не баба. Даже Урицкому неоднократно ставилось в вину то, что он подчас при проведении акций не мог контролировать своих людей. Так Моисей был какой-никакой, а все ж мужик. А тут... К тому же на подобные мероприятия в основном выезжала «матросня». А та могла и высмеять, и послать куда подальше. Весь авторитет псу под хвост. И это перед приездом Феликса.

– Глеб, ты же понимаешь...

– Что? – Глеб Иванович даже не оторвал головы от бумаг на столе.

Варвара Николаевна собралась объяснить, но взгляд споткнулся о крепкий затылок чекиста, и слова сами собой застряли в гортани. Продолжать разговор не имело смысла. Поняла: Бокий помогать не станет.

А подчиненный зашуршал бумажками, внимательно просматривая то одну, то другую, будто забыв о том, что он в комнате не один.

– Что ж, Глеб, смотри... – женщина резким движением руки отряхнула подол платья, – как бы не пожалел, – и, не прощаясь, покинула кабинет.

* * *

Аристарх Викентьевич, чтобы хоть как-то скрыть смущение, принялся протирать очки некогда отрезанным от старой портьеры кусочком бархотки. Зрение только начало подводить следователя, а потому оптику мужчина применял крайне редко, в исключительных случаях. Да и то, скорее по причине того, чтобы хоть как-то скрывать свои эмоции.

Первой на допрос из всего семейства Канегиссеров Геллер, как ни странно, вызвал дочь Иоакима Самуиловича, сестру убийцы, Елизавету, или, как ее звали в узком домашнем кругу, Лулу.

Елизавета Иоакимовна не признала Озеровского, расположившегося в дальнем углу слабоосвещенной камеры. Да, собственно, с какой стати она должна была узнавать человека, которого видела всего один раз в жизни и то при трагических обстоятельствах: смерти брата?

Тихо сидя на тяжелом, привинченном к полу табурете, вжавшись в него, девушка бросала испуганные взгляды то на коричневую поверхность крышки стола, на которой лежали чистые листы бумаги для протокола, чернильница и перо, то на следователя, вольготно развалившегося напротив и в который раз сально осматривавшего фигурку арестованной, то на стены камеры, покрашенные в непонятный грязный цвет.

Геллер молча ждал, когда девушка освоится в непривычной обстановке. А может, и по какой иной причине.

Испуганно погуляв по стенам, глаза арестованной с тоской и болью остановились на зарешеченном окне, за которым гудела пусть и ограниченная, но все-таки свобода.

Молчание затянулось. Впрочем, бесконечным оно быть не могло.

– Елизавета Акимовна, – наконец проговорил Геллер, слегка изменив отчество девушки: следователю так было проще его произносить. Еще не хватало напрягаться: Иоакимовна...

Девушка встрепенулась:

– Я вас слушаю.

– Да нет, дорогуша, – не проговорил, а выдохнул чекист, – это мы вас слушаем. Давайте не будем терять время. Рассказывайте о брате.

– Что рассказывать?

– Все! – осклабился Сенька. Девчонка ему определенно нравилась. «Нужно будет перевести ее в одиночку, – мелькнула мысль в голове чекиста, – а после наведаться. С допросом». Последняя мысль настолько понравилась Семену, что он даже улыбнулся.

Девушка улыбки не поняла.

– О чем вы?

– О вашем брате, Елизавета Акимовна. – Улыбка продолжала играть на лоснящейся физиономии чекиста-анархиста. – О Леониде, убийце товарища Урицкого. Давайте, давайте... Как на духу! С кем встречался? Кого приводил в дом? По какой причине застрелил Моисея Соломоновича? Или вам ничего не известно об убийстве?

Геллер в наигранном удивлении округлил глаза:

– Неужели вам ничего не сказали при аресте?

– Отчего ж, сказали, – выдавила из себя девушка, – только я не могу в это поверить.

– Представляете, и мы не можем! – воскликнул чекист, ударяя себя руками по коленям. – Средь бела дня! В здании Комиссариата внутренних дел! У всех на глазах! Кто ж в такое поверит? А тем не менее... Так что вы нам поведаете?

– Я не знаю, что вы от меня хотите, – Елизавета Иоакимовна впервые бросила взгляд на Озеровского, как бы ища у того поддержки. Затем наполненные слезами глаза девушки вновь переметнулись к окну, с него – на расплывшуюся на мягком стуле фигуру следователя, – я ничего не знаю! И я не верю, что Лева мог кого-то убить! Он не такой! Он...

– Не мог даже муху прибить на стекле? – закончил за арестованную Геллер. – Слышали мы такое. И не раз. – Рука чекиста схватила со стола исписанный лист, затрясла им перед лицом арестованной. – Вот! Вот показания вашего братца! Он убил товарища Урицкого из-за мести! Мести! Мстил за расстрелянного друга. Кто был его друг, за которого он мстил? Кто?

Голос Геллера взорвался, перешел на крик, отчего девушка мгновенно сжалась, затравленно бросая взгляды то на Геллера, то на Озеровского.

«Дурак, – мысленно оскорбил Сеньку Аристарх Викентьевич, – вопрос поставлен неправильно. Да и криком давить следует, только когда загоняешь жертву в угол, из которого нет иного выхода, как сказать правду. А в самом начале допроса... К чему? Войди в доверие. Тем более она только свидетель. Перетяни на свою сторону. Дай надежду. А так-то зачем?»

Озеровский нацепил на нос очки, кинул взглядом по напряженной фигуре Геллера, и его будто током ударило. Так было однажды, в начале столетия, когда в дом, где его молодая семья снимала квартиру, проводили электричество. Решил сам, из любопытства, вкрутить лампочку, в результате получил серьезный урок. Но на сей раз ток был иного рода.

Старик следователь неожиданно понял причину крика. И от данного осознания ему стало страшно.

«Семена Геллера, – догадался Аристарх Викентьевич, – не интересует результат расследования. Вообще! Чекиста в данный момент интересует только одно: девчонка, сидящая напротив. Какое убийство? Какой Урицкий? Для Геллера все эти слова так же далеки, как для меня римское право: вроде и рядом, однако далече».

Сенька буквально пожирал девчонку, глотал, давясь слюной. При этом наслаждаясь властью. В зрачках анархиста опытный сыщик прочитал только одно: а ведь девочка будет моей!

«Вот откуда родился крик! Не из желания узнать истину, а из предвосхищения будущего наслаждения. Слава богу, хоть девчонка ничего не заметила».

Геллер с трудом взял себя в руки, откинулся на спинку стула и, вскинув квадратный подбородок, произнес:

– Итак, Елизавета Акимовна, жду ответа.

Озеровский сжал губы. Отвернулся к стене. Господи, как все мерзко, противно. Слава богу, Семен не догадывается о его состоянии, полностью игнорирует присутствие в камере постороннего человека. Специально игнорирует. Семен сразу был против того, чтобы человек Бокия сопровождал допрос. Однако пойти супротив Глеба Ивановича не решился: кишка тонка.

Девушка затравленно, исподлбья наблюдала за грозным следователем.

– Будете говорить? – вновь повысил тон Геллер.

– Я не знаю, что сказать. Я понятия не имею, о ком идет речь.

– Ой ли? – Сенька кинул на стол исписанный лист.

«А ведь это не протокол допроса Канегиссера. Пустышка, – тут же отметил Озеровский. – Глупый ход. Если хочешь использовать документ, но у тебя его нет под рукой, выпиши хотя бы некоторые цитаты из подлинника, чтобы было чем аргументировать. А так, нахрапом... Расчет на деревенского забитого дурачка».

– В показаниях вашего брата, – продолжал тем временем врать Семен, – сказано, будто вы знали о готовящемся покушении. – Чекист в который раз мысленно обматерил Озеровского. Тот ему мешал. Не будь старика, давно бы уже разобрался с этой стервочкой. И, может, даже не один раз. – Что скажете? – Рука бывшего анархиста с силой опустилась на столешницу. – Долго будем молчать?

Елизавета Иоакимовна сжала маленькие, почти детские ладошки.

– Я действительно понятия не имею, о чем вы говорите! Ничего подобного я не слышала! В последнее время Леня дома появлялся крайне редко. Как я слышала, он сошелся с какой-то женщиной. Но кто она, где живет, мне неизвестно. И со мной он ни о чем... Я всегда была для него только, как он говорил, взбалмашной девчонкой. Поймите!

– Давно брат не живет с вами? – Озеровский сам не заметил, как с его языка сорвался сей невольный вопрос. Геллер недовольно покосился на старика, однако промолчал.

– Недели три. Точно не помню.

– Три недели? Не так уж давно, – едко заметил чекист. – А друзья? С кем водился?

– Понятия не имею, – повела худенькими плечиками девчонка, и тут же, опомнившись, затараторила: – Нет, конечно, он был с кем-то близок. И к нему приходили гости. Но кто эти люди, я не знаю. Честное слово! Я ни с кем из них не встречалась. Он никогда и ни с кем меня не знакомил. Не хотел, чтобы ко мне после приставали...

– А кто спрашивал о вашем брате у вас? Приходил ли кто к нему во время его отсутствия? – Озеровскому было наплевать на грозные взгляды чекиста. Гончая взяла след.

– Не было никого. И никто им не интересовался.

– Совсем никто?

– За три недели – да. Леня – человек скрытный. Об этом все знают и давно к тому привыкли. И друзей, настоящих друзей, у него никогда не было. Трагедия всех гениальных людей. Одиночество.

«Девочка немного успокоилась, – отметил Аристарх Викентьевич, – молодец. Теперь будет следить за своими ответами».

– Как отец отнесся к тому, что ваш брат ушел из дома?

– Мы с ним на данную тему не говорили. – Елизавета Иоакимовна слегка выгнула затекшую спину, напоминая грацией проснувшуюся кошку. Геллер не смог скрыть восхищения, и на сей раз это не укрылось от внимания девушки. Та стушевалась, покраснела.

В этот момент в дверь постучали, приоткрыли ее. В образовавшееся отверстие просунулась голова одного из чекистов из личного окружения Яковлевой:

– Семен, на минуту.

– Чего? – Тот непонимающе уставился на сослуживца.

– Надо!

– Ты че? Не видишь, что ли?

Заглянувший чекист осмотрел камеру, кивнул на Озеровского:

– Пусть дед с ней посидит. Тебя Варька зовет! Срочно!

– Зачем?

– Куда-то ехать нужно! Берет только наших. То ли буза, то ли грабеж.

Голова скрылась. Дверь захлопнулась.

– Мать твою... – пробормотал Геллер, поднялся, оправил пояс, обернулся к Аристарху Викентьевичу: – Ну что ж, продолжайте. Только это... Как его... Протокол чтоб был. И все такое...

Сенька со вздохом сожаления бросил долгий взгляд на арестованную, после чего резко развернулся, твердым, решительным шагом покинул помещение.

Озеровский нервно перевел дыхание: да, подобное случается крайне редко. Чтобы вот так, в нужный момент... Вот и не верь после этого в Божий промысел.

А аналитический ум следователя тут же вцепился в последние слова помешавшего ходу расследования чекиста. Буза или грабеж. Подавление займет не менее двух часов. Он сможет сам, без Геллера, опросить всю семью Канегиссеров. Такой шанс упускать никак нельзя.

Аристарх Викентьевич быстро переместился на стул следователя.

– Елизавета Иоакимовна, – девушка встрепенулась. Отчество прозвучало именно так, как положено, с уважением, – я попрошу не терять время и ответить мне, я делаю ударение именно на слове «мне», на все вопросы. Поверьте, это в ваших интересах. Тем более мы с вами однажды уже общались. И вы тогда были со мной открыты, а я не воспользовался данным обстоятельством.

– Простите – Сестра Канегиссера присмотрелась. При этом ее узкий, открытый лобик слегка наморщился. – Не припоминаю... Вы бывали в нашем доме? Наверное, это было очень давно...

– Не столь уж давно. И при довольно неприятных обстоятельствах. Хотя я бывал в вашем доме и ранее. Приходил к вашему батюшке, – в голосе Озеровского прозвучала искренняя грусть, – вместе с господами Ларионовым и Жуковым. Хотя, честно признаюсь, удивительно, что вы меня не помните. Вы меня просто обязаны были запомнить. Наша с вами встреча состоялась полтора года назад, в день смерти вашего брата, Сергея. 8 марта.

Девушка всхлипнула, не сдержалась: закрыла лицо узкими, тонкими ладошками, пытаясь подавить рыдания.

Озеровский терпеливо ждал, когда она успокоится.

Сергей Канегиссер, брат убийцы Урицкого, погиб, точнее покончил с собой, в марте семнадцатого. Впрочем, покончил ли?

Сыщик снова принялся протирать линзы. Любопытное было дело. Собственно говоря, из-за него он и пострадал.

Придя к власти, правительство Керенского первым делом, как ни странно, объявило амнистию. Всем. Как политическим, так и уголовникам. Из тюрем на волю вырвалось огромное количество заключенных. «Птенцы Керенского», как их тут же окрестили в народе. Но то, что их амнистировали, оказалось верхушкой айсберга. Истинные причины амнистии, как догадывался Аристарх Викентьевич, крылись вовсе не в либеральности нового кабинета министров. Вскоре, вслед за амнистией, сторонниками Временного правительства стали со скрупулезной тщательностью уничтожаться личные дела многих бывших эков. Документы на уголовников в большинстве случаев ликвидировали сразу. А вот бумаги на политических арестантов тщательно пересматривались и анализировались. Кто сел? За что? По чьему доносу? И так далее. Вот тогда-то и всплыла информация о том, что Сергей Канегиссер, которого друзья считали одним из активистов революционного подполья, оказался полицейским осведомителем. Провокатором. Как гласили документы, именно по его «наводке» арестовали несколько членов партии социалистов-революционеров, проще говоря, эсеров. На Сергея началась охота. Результат – самоубийство Канегиссера. Озеровский начал то расследование, но так и не закончил. Вскоре его самого арестовали и продержали в тюрьме аж до октябрьских событий. А дело по «самоубийству» Сергея Канегиссера закрыли на следующий день, сразу после ареста следователя. Аристарх Викентьевич по сей день был уверен: молодого человека убили, симитировав суицид. Только вот кто убил, сие стало неизвестными страницами истории.

Оптика Озеровского легла на стол.

– Простите, Елизавета Иоакимовна, но у нас, как понимаете, мало времени. С минуту на минуту может вернуться... – Озеровский попытался подобрать слово, которым смог бы назвать Геллера, но не нашел.

Впрочем, девушка и так все поняла.

– Так вы теперь с ними?

Аристарх Викентьевич снова нацепил на нос очки. Закрылся.

– Представьте себе.

– Но... Это же холуйство! – не сдержалась юная особа.

– Простите, – Озеровский аккуратно спрятал бархотку в карманчик жилетки, – с каких это пор поимка воров, бандитов и убийц стало холуйством?

– С тех самых, когда к власти пришли большевики!

– Вот как... – Слова девушки задела Озеровского. – Ненавидите большевиков? А можно полюбопытствовать: за что? – Подследственная сделала попытку произнести нечто в ответ, но Аристарх Викентьевич ее перебил: – Я прекрасно знаком с вашей семьей. И, насколько мне известно, до сегодняшнего дня новая власть не сделала вам ничего плохого. В отличие от власти предыдущей. Или я не прав? Насколько помнится, ваш второй брат, Сергей, был убит, или, как я думаю, покончил с собой не при большевиках. Однако к господину Керенскому вы претензий не высказываете.

– Вы бьете по больному месту. Так нельзя!

– Так нужно, чтобы вы пришли в себя, – Пальцы следователя поправили стекла, чтобы те нашли свое привычное место на переносице. – Большевики ничем не отличаются от Временного правительства. Поверьте, я в этом убедился. И, самое странное, они тоже ратуют за законность и за то, чтобы данное дело, в котором замешан ваш брат Леонид, было рассмот-

рено объективно, со всех сторон. Для чего меня к вам и приставили. Кстати, хочу заметить, большевики, в отличие от Александра Федоровича, начали не с того, что выпустили на волю уголовников. Скорее наоборот, они сейчас делают все для того, чтобы вернуть тех обратно. И в трагедии с Леонидом не делают поспешных выводов. Потому я здесь. А вы должны нам помочь. Мне помочь. Если хотите, чтобы Леонид остался жив.

Девушка горько усмехнулась:

– Вы обманываете. Его убьют! Как две недели назад ваши большевики расстреляли Володю, его единственного друга. Ни за что расстреляли! За пустяк! Только за то, что он был курсантом. А тут...

– Это какой Володя? – поинтересовался Озеровский.

– Перельцвейг. Володя Перельцвейг. – Головка девушки снова опустилась. – Лева тоже погибнет.

– Это его имел в виду Леонид, когда говорил о мести?

– Не знаю. Наверное. Они дружили с детства.

Аристарх Викентьевич долгим взглядом ощупал юную особу. Нет, внешне девушка не изменилась. Такая же красавица. Вот только светский лоск исчез. И в глазах пропала чертовщина. А какая была непреступная светская львица еще год тому...

Салон в доме номер пять по Саперному переулку высоко ценился среди столичной богемы. В пятой квартире, где проживали Канегиссеры, считали за честь поцеловать ручку хозяйке дома и ее прелестной дочери застенчивый Мандельштам¹¹, сверхэкспрессивный взрывной Блок¹², несдержанный в эмоциях Савинков¹³, революционер Лопатин¹⁴ и министр Миллюков¹⁵. Многие, очень многие желали посетить салон новоявленной Аннет Шерер¹⁶...

Мысли Озеровского тут же вернулись в прежнее русло размышлений. Перельцвейг... Личность незнакомая. Однако фамилия на слуху. Девушка утверждает, будто его расстреляли две недели назад... Аристарх Викентьевич пробежался пальцами правой руки по пуговицам жилета: вспомнил. Профессиональная память не подвела и на этот раз. Владимир Перельцвейг. Отчество, кажется, на литеру «Б». Борисович? Вполне возможно... Что точно, так то, что он стоял двенадцатым номером в первом «расстрельном» приказе Урицкого. Любопытно. Озеровский мысленно сделал пометку: нужно будет более детально познакомиться с причинами, по которым сей молодой человек угодил в немилость председателя ЧК.

– Елизавета Иоакимовна, – следователь тщательно подбирая слова, – признаться, мне несколько не по себе от того, что произошло. И особенно не по себе от того, что именно мне приходится проводить допрос. Но, с другой стороны, может, это и к лучшему. Надеюсь, мы еще сможем помочь вашему брату. Поверьте, я искренне желаю помочь. Не по причине знакомства с вашей семьей. Если бы я сразу поверил в то, что Леонид – убийца, или что он был один, и это покушение спланировал самостоятельно, я бы с вами сейчас не общался. Но в том-

¹¹ Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) – русский поэт, прозаик, эссеист, переводчик и литературный критик, один из крупнейших русских поэтов XX века.

¹² Блок Александр Александрович (1880–1921) – русский поэт, классик русской литературы XX столетия, один из величайших поэтов России.

¹³ Савинков Борис Викторович (1879–1925) – революционер, террорист, российский политический деятель – один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации партии эсеров. Участник Белого движения, писатель (прозаик, поэт, публицист, мемуарист; литературный псевдоним – В. Ропшин). Известен также под псевдонимами: «Б.Н.», Вениамин, Галлей Джемс, Крамер, Ксешинский, Павел Иванович, Деренталь, Роде Леон, Субботин Д.Е., Ток Рене, Томашевич Адольф, Чернецкий Константин.

¹⁴ Лопатин Герман Александрович (1845–1918) – русский политический деятель, революционер, член Генерального совета I Интернационала, первый переводчик «Капитала» Карла Маркса на русский язык.

¹⁵ Павел Николаевич Миллюков (1859–1943) – русский политический деятель, историк и публицист. Лидер Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы, кадетской партии). Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 году. С 1916 года – почетный доктор Кембриджского университета.

¹⁶ Анна Павловна Шерер – героиня романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

то все и заключено, что я не верю в последнее. Нет, я не оправдываю вашего брата. Однако в данном деле имеются некоторые моменты, которые наводят на мысль о том, что Леонида просто использовали. Как ширму, дабы скрыть истинных виновников преступления. Вот их-то мы, я и мои новые коллеги, желаем вывести на чистую воду. Не знаю, насколько получится, однако приложу к тому все усилия.

Елизавета Иоакимовна еще пару раз всхлипнула, после чего подняла на следователя покрасневшие от слез глаза.

– Мне сейчас все едино. Жизнь после смерти Сережи в нашей семье приостановилась. Замерла. – Девушка произносила фразы настолько тихо, что старому следователю приходилось все время находиться в напряжении, чтобы распознать их. Однако сыщик и не подумал просить девушку говорить громче. Любая посторонняя фраза могла ее спугнуть. И тогда бы она замкнулась, перехотела выговориться. А Озеровский как раз ждал иного: пусть выплеснется – приоткроется. Следователь мысленно отругал себя: проклятый профессионализм. И тут выискивает практическую сторону. А Елизавета Иоакимовна тем временем продолжала бормотать: – Сережу все любили. Да, да, все. Несмотря на то что он всегда мнил о себе Бог весть что, тем не менее... Помните... Впрочем, вы, естественно, не помните. Он как-то шутя сказал о себе: мол, я – денди с породистой утонченностью. Смешно, да? – Аристарх Викентьевич промолчал. – Все мечтал съездить в Одессу. Он ведь счастлив был только там. На море. Даже в жены взял коренную одесситку. Нет, Наташа хорошая девушка, только не для него. А потом этот выстрел... Знаете, Сережа умирал долго. Все стонал. Бредил. – Этот момент в деле Аристарх Викентьевич помнил очень хорошо. Самострел у молодого человека вышел довольно любопытный: в бок, в области печени. Очень неудобный и странный суицид. Попробуй вывернуть руку с револьвером. Но даже если и сделать так, то на рубашке или на голом теле человека должны остаться следы от пороха. А их на белоснежной сорочке самоубийцы как раз найти и не смогли. Впрочем, дело закрывал другой следователь, который на сей факт не обратил никакого внимания. – Когда Сережа умер, папу сняли с должности. Никаких вечеров, балов. Лакеев пришлось уволить: более подобной роскоши позволить себе мы не могли. А потом ваша гадкая революция, – девушка горько улыбнулась, – которая забрала у нас и Леву. – Взгляд Елизаветы Иоакимовны вновь устремился к следователю. – Вы действительно думаете, что ему сохранят жизнь?

– Не знаю, – честно признался Озеровский, – убийство действительно было совершено именно им. Однако шансы, пусть мизерные, но имеются. Елизавета Иоакимовна, скажите: в последнее время за вашим братом ничего необычного не замечали?

– Нет, – обреченно выдохнула девушка. Она все поняла, – я действительно редко его видела. В последнее время он нечасто ночевал дома. Так, приходил изредка, в основном под вечер. Будто отмечался, что с ним все в порядке. Чтобы мама с папой не волновались. Посидит, почитает книжку... Чай попьет...

– Что читал?

– Штудировал Шницлера.

– Это какого Шницлера? Философа?

– Нет, – девушка отрицательно качнула головкой, – Артура Шницлера¹⁷. Модно. Сейчас весь Петербург читает. – Елизавета Иоакимовна встрепенулась. – А вот вчера вечером, неожиданно открыл томик Дюма. «Граф Монте-Кристо». – Дочь инженера чуть подалась всем телом к следователю. – Вы верите в мистику?

– Что? – не понял Озеровский.

¹⁷ Шницлер Артур – известный австрийский писатель, драматург и прозаик. В России первой четверти XX столетия были широко известны его прозаические и стихотворные произведения, основанные на теории Фрейда. Из них самые известные «Игра в любовь», «Зеленый попугай», «Юный Медард», «Вуаль Беатриче».

– Понимаете, – голос девушки вновь перешел на шепот, – у нас в детстве была игра. Кто-нибудь из нас загадывал страницу какой-нибудь книги, на выбор, открывал ее и читал, как мы считали, про свое будущее. Ну, будто бы будущее. Выдуманное. Смешно. Наивно. Это было так давно. Я даже забыла. А вчера Лева поступил именно так. Взял томик Дюма, назвал страницу, открыл ее и прочитал. Усмехнулся еще: мол, прямо как про меня. А ведь так оно сегодня и получилось...

– О чем шла речь в книге? – заинтересованно спросил Озеровский.

– О политическом убийстве. Помните, во втором томе, старик Нуартье рассказывает внучке о том, как он в честной схватке убил не пожелавшего примкнуть к заговору бонапартистов барона д'Эпина. Лева, когда распахнул страницы, даже глаза прикрыл, будто боялся читать. А потом, когда закрыл том, долго молчал. Может, если бы он прочитал другую страницу, то всего этого не произошло бы? Как думаете?

Сыщик скрыл тяжелый вздох. Он так не думал. Он знал: к тому моменту, когда юноша читал те строки, для него все было решено. Либо им, либо кем-то другим, пока неизвестным.

Аристарх Викентьевич придвинул к себе чистый лист, для протокола. Взял в руку перо. Значит, текст совпал с намерениями? Любопытно. Мистика? Только мистики в этом деле не хватало. Да и при чем здесь она? Есть реальный труп. Есть убийца, подписавшийся под протоколом допроса. Нет только доказательств: один он действовал или с сообщниками?

– Елизавета Иоакимовна, скажите, Леонид хорошо стреляет из револьвера? Имею в виду, вы видели, насколько хорошо он умеет обращаться с оружием?

* * *

Доронин остановился возле двери, с силой втянул в себя побольше воздуха, задержал дыхание и решительно постучал костяшками пальцев по полированной поверхности двери.

– Кто? – донесся из кабинета приглушенный голос Бокия.

Демьян Федорович толкнул створку, вошел внутрь кабинета.

– Глеб Иванович, – с ходу начал матрос, даже не успев подойти к столу, – ослобони ты меня от этого беляка! Не могу я с ним это самое!.. Он же, гад, меня насквозь видит. Я к нему с делом, а он мне всю подноготную. Да наизнанку. Да так, что и сказать нечего.

– Сядь. – Бокий указал на стул. После чего кинул взгляд на раритет, оставшийся в кабинете от царского режима: большие башенные часы, уютно спрятавшиеся в дальнем углу, рядом с окном, выглядывающим на Гороховую. – Начало восьмого... Где Озеровский?

– В «Крестах». Ведет допрос Канегиссеров.

– Один? – Брови Бокия в удивлении приподнялись.

– Так точно. Геллера Варька... Простите, Яковлева забрала, на облаву. Так он с ними теперь это самое... Отозвать?

– Ни в коем случае! Что у тебя? Только по порядку, без воды. Про деньги выяснил?

– Нет.

– Другого и не ожидал. Отказался наотрез?

– Вроде как да, а вроде как и нет.

– Точнее?

– Сказал, мол, народу деньги отдать согласен. Губельману – нет.

– Так ты бы и пообещал, что народу.

– Обещал. Не верит. Гарантии требует, что не Губельман будет принимать. Недоверие власти высказал.

– И даже угроза расстрела не подействовала?

– Какая тут угроза... – сокрушенно махнул рукой матрос. – Сам хочет, чтобы его шлепнули. Когда я сегодня к нему пришел, то он прямо так и сказал: мол, готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.